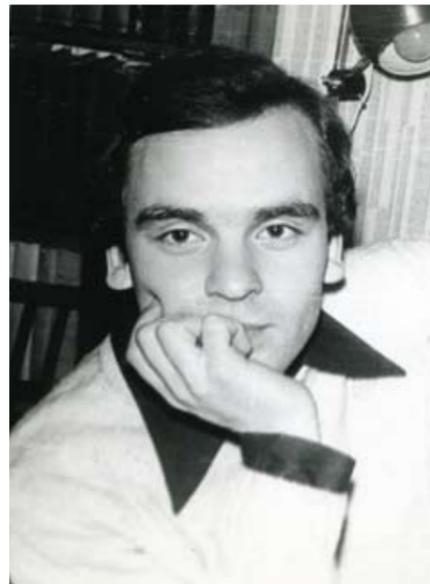

ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ

В День учителя, который в этом году гимназия отмечает 29 сентября, состоится пятое ежегодное вручение Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского. Предлагаем вашему вниманию тексты гимназистов, выдвинутые на соискание премии в номинации «Русская словесность»

На фото (слева направо): в первом ряду – Петр Зайцев и Николай Цибин, во втором ряду – Александра Литваковская, Анастасия Алёшина, Николай Чусовитин, Василий Матвеев, Алина Боксинер, Никита Масленников, Варвара Пивнюк, Мария Трофимова, Варвара Гречухина, Мария Гуманова, Мария Непорожня, Марина Крутикова

Юрий Брониславович Пирятинский...

Эта премия создана в память о нашем друге – учителе, который проработал в гимназии всю жизнь.

Его товарищ Михаил Владимирович Левит, один из отцов-основателей гимназии № 1505 и один из учредителей премии, на наш взгляд, очень точно сформулировал, кем был Пирятинский в этих красных стенах:

«Учитель, у которого не было другой жизни, кроме жизни школы и его учеников-воспитанников.

Один из лучших за все время существования школы воспитателей и предметников одновременно.

Педагог, который считал свой предмет – русский язык – великим средством воспитания.

Педагог, который всегда был классным руководителем самых тяжелых классов, причем требовал такие классы себе сам.

Учитель, который чудесным образом мог изменять в лучшую сторону внутренний мир ребенка, притом самого трудного.

Автор "педагогики Пирятинского", которую трудно описать словами, но которая известна всем, кто у него учился и кто рядом с ним работал.

Человек железных принципов, с юности и до самой смерти. И конечно, никогда и ничего – для себя, все – для своих учеников и товарищей.

Такой вот наш Януш Корчак...

Создавая эту премию, мы хотели, чтобы память о Юрии Брониславовиче оставалась живой и созидательной. Чтобы те ценности, служению которым он посвятил свою жизнь, – ценности добра, порядочности, равнодушия, веры в человека, творчества – продолжали оставаться с нами и дальше.

Мы очень надеемся, что у всех нас это получается...

Пятая премия

Идея премии Пирятинского появилась почти четыре года назад, в конце осени 2013 года, когда мы собрались в школе в день рождения Юрия Брониславовича и впервые в этот день его не было с нами

Тогда казалось очень странным, что красная школа живет без Пиря, что среди ее учеников все больше тех, кого он не учил, кто его почти не знает, и что дальше память о нем в родной гимназии может совсем иссякнуть. И мы, ученики, коллеги, друзья Юрия Брониславовича, решили найти такой способ сохранения памяти об одном из самых ярких учителей, который был бы близок по духу самой нашей школе и смог органично влиться в цикл школьной жизни.

Наша идея встретила как горячую поддержку, так и серьезную критику среди учителей и выпускников, но мы, несмотря на сомнения, все же взяли на себя ответственность и учредили премию, первые лауреаты которой были торжественно объявлены на последнем звонке в мае 2014 года. Для учредителей путь от замысла к первому вручению оказался очень непростым, напряженным, полным споров о том, как лучше сформулировать номинации, какие могут быть критерии для выбора наиболее достойных, что может стать лучшим символом премии и памятной наградой, и о многом другом. Но активность гимназистов и количество присланных текстов в номинации «Русская словесность», трепетное внимание к церемонии

награждения и овации первым лауреатам убедили нас тогда в том, что наше решение было верным.

С того момента в номинации «Русская словесность» было выдвинуто 49 человек, а в «Человеческом измерении» – 14. Получается, что в общей сложности из номинантов на премию можно собрать два полных школьных класса – еще два класса учеников Юрия Брониславовича. Пусть многие из них не знали его лично, но мы рады, что с именем Пирятинского теперь накрепко связана еще одна, надеемся, важная школьная традиция. Традиция, сумевшая объединить учеников, учителей, выпускников, стремящихся ценить русское слово, художественное творчество, подлинные человеческие отношения и уважающих способность проявлять заботу об окружающих.

В этом году премия Пирятинского будет вручена в пятый раз. Для нас это маленький юбилей, который уже можно считать состоявшимся, поскольку поставлен своеобразный рекорд: в этот раз в номинации «Русская словесность» соревнуются 14 гимназистов – больше, чем когда-либо прежде, а в «Человеческом измерении» впервые представлено 5 учащихся, выдвинутых учителями и кураторами.

По сложившейся традиции мы не обнародуем имена тех, кто был выдвинут в номинации «Человеческое измерение»: вы узнаете лишь имя лауреата. Но мы рады тому, что в этом году неожиданно много кандидатов, каждый из которых достоин высокого звания, каждый из которых номинирован людьми, имеющими высочайшую человеческую и профессиональную репутацию. Что ж, всякий раз мы делаем трудный выбор из очень достойных – это накладывает большую ответственность, но и приносит необыкновенное удовлетворение, потому что нам по-прежнему есть из кого выбирать.

Мы предлагаем вашему вниманию произведения авторов, номинированных в категории «Русская словесность». Некоторые из этих текстов печатаются в сокращенном варианте по причине ограниченности объема издания, тем не менее мы надеемся, что опубликованные произведения не только дадут представление о высоком творческом потенциале наших номинантов, но найдут живой отклик у неравнодушного читателя. Мы поздравляем всех авторов – вне зависимости от того, станут они лауреатами или нет, – с этой первой настоящей публикацией их творческих работ.

Учредители премии

ДИНАМИКА ВЫДВИЖЕНИЯ НА ПРЕМИЮ ПО ГОДАМ (чел.)

Премия	«Русская словесность»	«Человеческое измерение»
I (май 2014)	8	1
II (октябрь 2014)	7	2
III (2015)	11	3
IV (2016)	9	3
V (2017)	14	5
Итого по номинациям	49	14
Всего гимназистов	63	

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»:

ТЕКСТЫ ГИМНАЗИСТОВ

**Анастасия
Алёшина,
9«Б»**

Людям

1

Как много в этой жизни надо,
Непонятно только, зачем и почему.
Нужна нам та, что вечно рада,
Которую любить не надо самому.

Нужен крепкий дом, такой же капитал,
Нужны нам очень слава и почет,
Важно знать, кто что про нас сказал.
Какое дело, как соловей поет?

Нам не нужны берез белеющая стать,
Морей бездонных синева,
Степей златистая трава,
Но важно мэру ручечку пожать
И умненько сказать,
Что не потерпим воровства!

2

Смотрю в окно: дома стоят, чернея,
Как иглы протыкая землю,
Внизу измызанных скульптур аллея.
Стою над ними, музе внемялю.

Небо тихо плачет, заслонившись облаками,
Внизу великих бусты брызгая печалью.
Весь мир искусства – их, а мы лишь оскверняли
Доставшиеся храмы неисчерпаемой грязью.

По дороге к себе домой
Люди упорно смотрят в лужу без звезд.
Всё здесь – муравейник живой,
Главное тут – населения прирост.

Мрамор для нас просто камень немой,
Как ни кричит он: «Постой! Оглянись!»,
Не услышим его меткий укор.
Белеет он над стаей черных крыс.

3

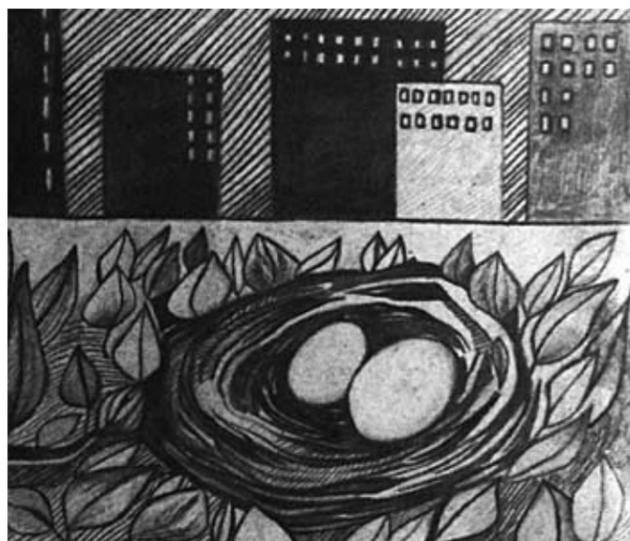
Люди! Дорогие! Хватит воевать!
Знаете прекрасно, вся земля нам – мать!

Как люблю я русскую березку,
Что бела и по-хорошему неброска,
Так испанец страстный любит кипарис,
Что зеленым шпилем протыкает высь.

Как любит узкоглазый азиат
Вишню, которой розовеет сад,
Так канадец безумно влюблен
В зеленый и сладкий свой клен.

Как еврей благодарит фиников пальму,
Что дает ему и еду, и покой, и прохладу,
Так и кактус зеленый дорог мексиканцу,
Что растет средь пустыни гигантской.

Так зачем все губить на земле?
Люди, дорогие, объясните вы мне!
Зачем, если любим мы все одинаково,
Нам убивать непохожего всякого?

Спокойной ночи

Спокойной ночи, милый друг!
Закрой глаза, отдайся ты Морфею
И, может, там, средь многих рук,
Найдешь ты ту, что всех белее.

Найдешь ты счастье навек
И запоешь с своею лирой,
Как не умеет человек,
Страстями реальности гонимый.

И может, этих песен звук
Услышишь ты и в сером шуме дня.
Спокойной ночи, милый друг!
Тебя там ждет счастливых грез страна.

Поверь же ты мечтам,
И на свободном поле мысли
Я ключ тебе отдам
От мира без бессмыслиц.

Тот мир – для нас двоих: там лодочка любви
Не разобьется о досуг.
И знаешь ты, что нет меня – одни мечты.
Спокойной ночи, милый друг!

К***

Мы сидели вдвоем на бревне,
Утопая в далеких мечтаньях.
Была уж осень, а мы мечтали о весне,
Ведь не хотелось нам думать о реалиях.

Горели пламенем сердца,
Но грея, не дотла сгорая.
Гореть бы им вот так всегда –
И нам тогда не надо будет рая.

Пред нами – темное озеро,
Но не вода в нем – ртуть.
Нам было вместе хорошо,
Мы не боялись утонуть.

А за озером был полигон,
Взрывалось что-то там.
А мы сидели тут вдвоем,
Спокойно было нам.

Ни тяжесть серых туч,
Ни темнота железных вод,
Ни реальный мир (а он могуч)
Спокойствия не разорвет!

Была уж осень, и всё мечтали о весне,
Так день прошел, а может, миг,
Пока вдвоем сидели на бревне,
Пока огонь тот навечно не утих...

**Алиса
Боксинер,
11 «И»**

Небо цвета ультрамарина,
Говорящая с ним река...
У естественного каминна
Жизнь приятна и так легка.

Под знакомые ритмы жизни
Долго шли мы к своей судьбе,
И, пройдя через все кривизны,
Мы друг друга нашли в себе.

Сколько вместе мы испытали,
Сколько в ногу вдвоем прошли...
А представь, кем бы оба стали,
Если б путь этот не нашли!..

В шуме рек мне твой голос слышен,
В сини неба – твои глаза.
Мы сидим и почти не дышим,
Ведь прозрачно все, как слеза.

Все вокруг так спокойно, тихо;
Гор громады молчат в веках.
Забывается вся шумиха,
Что сжимала нас в городах.

Сверху звезды мигают; рядом
С ними нежные облака
Уплывают куда-то стадом
Цвета горного молока.

Как ужасно знакомы эти
Все пейзажи и звуки мне...
Мы тогда были только дети,
Все как будто было во сне...

Вспомнить это ты не пытайся,
А, прислушиваясь к воде,
Здесьним воздухом наслаждайся:
Не найдешь ты его нигде!

Эта сказочная картина
Нам запомнится на века –
Небо цвета ультрамарина
И прозрачнейшая река.

Варвара Гречукина, 10 «А»

Место действия изменить невозможно

После бессонной ночи я проснулся разбитым. Кажется, меня разбудил отвратительно громко звонящий телефон или просто чувство голода – я, честно говоря, уже и не помню. Действия мои в который раз повторились, мелодично отражаясь в воздухе, я обрел себя в пространстве, успел ощутить прилив сил, день стремительно набирал скорость, и вот уже запахло полдником. К тому времени я успел подумать несколько умных мыслей, перейти дорогу шесть раз, оступиться трижды и дважды громко выругаться вслух. Как же я был ничтожен. Как ничтожен был мир вокруг. Мысли приходили в голову и комом, и сумбурно, хотелось бежать или остановиться, уйти или остаться, спасти или уничтожить все, что меня окружало. Везде звенел крик и давило молчание, тишина повисала стеклянным колпаком над существованием, а разбухшие от дождя и слякоти томные темные мысли нависали с каждой секундой все сильнее и сильнее, хоть я изо всех сил и старался с ними бороться. Борьба моя нещадно подавлялась приливом нового потока несовершенств и разочарований, и в какой-то момент я сдался, уткнувшись носом в черствое повествование о чем-то высоком.

Я появился на свет чуть позже сотворения мира, но на несколько месяцев раньше, чем погибли башни-близнецы. Не сказать, чтобы я был беден или горд, но к концу месяца от моего дохода не оставалось ни гроша, я жадно докуривал последнюю пачку сигарет и, хотя на угловатых женщин смотрел с презрением, мимо красивых дам все же проходил с черствым оскалом, боясь зацепить их равнодушие и унижить непревзойденное совершенство. Я не был галантен, не был почтителен, страдал эгоизмом и прожил свою недлинную жизнь в комнате с красивым окном, заставлявшим сердце замирать каждое утро. Я любил книги, любил длинные ночи, любил интересных людей, пленку, большие карманы, старые вещи, изредка писал длинные письма, заставлявшие чи-

тателя почувствовать себя счастливым, ссорился с родными и мечтал съехать когда-нибудь в коммуналку на Лиговском проспекте. Так прошла моя скудная жизнь, разве что разбавленная путешествиями и возможностью самостоятельно думать. Когда-то я возненавидел все, что со мной происходило.

Мелкая удача, случайное происшествие, пятиминутная радость. Желчное отрицание, распухшее страдание, секундная ненависть. Состояния сменялись быстро, едва успев начаться. В голове постоянно переплетались длинные сюжеты, книги на полках сменялись одна за другой, ночи проходили все быстрее и быстрее, судороги сменялись головной болью, головная боль – отрицанием, а видимая общительность – давящим одиночеством. От солнечных дней разрывались виски, от дождливых – хотелось говорить, а от беспросветной гордости требовалось бежать.

Последние несколько месяцев прошли в беспорядке. Это чувствовалось в воздухе, этого нельзя было скрыть, об этом словно шептали повсюду. В комнате находиться было невозможно: смешались запахи, люди, эмоции, грязь, тоска, скука и разнообразие деятельности, которая там совершалась. Дома я старался не появляться, а если и приходил спать, то ночевал в общей комнате на полу, чтобы лишний раз не видеть в комнатном бардаке своего отражения. Почти перестал общаться с людьми, они стали казаться мне совсем чужими, как будто бы раньше меня ничего с ними не связывало. Много ходил пешком по переулкам, совсем медленно, не торопясь, словно боясь расплескать в себе то небольшое и очень ценное, чем так гордился и о чем так любил говорить. Стал вести разговоры с самим собой, вечерами обсуждая все на свете. Сначала было очень страшно, но потом я привык и взял себе это за правило.

Говорят, что однажды все меняется, разве что человек никогда этого не признает либо обязательно воспротивится. В это мне верилось с трудом, но случилось, как жетса, и то и другое.

Боялся. Сейчас боюсь. Буду.

Судорожно пытаюсь вспомнить, как это произошло. Кажется, было начало апреля. Помню длинную пыльную дорогу в Кореизе, которая плела свои сети, распускаясь мимо гор и тропинок, мест зланных и совсем пустынных, то медленно извиваясь змеей, то останавливаясь и прерываясь прямо под обвалом, словно что-то увидев и чего-то испугавшись. Я тогда шел с самого утра, практически не останавливаясь, словно знал, что это для чего-то необходимо. Начало дня было холодным, я кутался в какой-то колочий плед, птицы кричали что-то над морем, будто стараясь рассказать о самых важных на свете вещах. Так я шел до обеда, иногда приваливаясь на пару минут к уже нагретому на весеннем солнце камню, закрывал глаза, и мир, как жетса, замирал вместе со мной. Я шел дальше, сливаясь с обочиной и превращаясь в темную точку на горизонте, пока сумерки не поглотили окрестности. Наконец я вышел к морю и сел посреди дороги, которая казалась уже такой родной, будто сто лет был с ней знаком лично и даже иногда вел дружеские беседы, рассказывая то о морских приборах, то о теплом дожде, когда стоишь под ним и чувствуешь себя самым счастливым человеком на свете, то о том, как хорошо иногда, прислонившись к раме балкона, думать о людях, которые кажутся тебе

родными. Пока я вслух проговаривал свои тяжелые, кажущиеся неповоротливыми в темноте мысли, сменился ветер и откуда-то издали повеяло запахами настоящей южной весны, с ее цветами, огнями, обитателями и сумрачными видами. Было тихо, только шум бьющихся о берег волн изредка занимал место в этой идиллии, совсем не мешая, а заставляя глубже осознавать свое безграничное счастье.

Бывает, что случайности происходят с человеком тогда, когда им не следует даже зарождаться и появляться в мире. Особенно такое случается с людьми, которые и не должны быть красивыми для того, чтобы жить, но чаще всего таковыми оказываются. Он был красив, хоть сам этого не понимал и не знал, и, встретив несколько прохожих в тот день, взглянув на них искоса и не придав значения, кинув несколько фраз, сумел завоевать их сердца. Сбежав от матери-истерички, которая на его глазах разбила что-то уж больно напоминавшее стакан с удачей, он собрал ее по крупинкам и отправился в путь, который, вероятно, был прописан ему судьбой.

В тот день действительно была странная погода, совсем не подходящая для того времени года. Она пришла в себя только к вечеру, как учтиво заметил наш герой, еще не понимавший своего счастья и горя одновременно, оказавшись там, где ему и следовало быть.

В ту ночь я заснул поздно, облокотившись на край дороги между двух валунов, впитав в себя всю морскую погоду, соленый ветер между порывами света от беспощадно-яркой луны и отражения мерцающих повсюду обрывков своих же фраз. «Вот и спасай себя опять от нахлынувшей меланхолии», – подумал я, приложил голову к чему-то мягкому и задремал.

Я точно помню, что в то утро светило солнце, казалось, что лучи его волнами накатывают на тебя и нет ни малейшего шанса от них спастись.

Он неподвижно стоял около дороги, прямо перед утесом, смотрел куда-то вдаль. Издали он выглядел бы статным, если бы не осанка и то, что было внутри. Неуверенность, кажется, захватила его сердце, а какой прок от человека, если он не верит в себя? Он не был жалок, но во мне было чувство недовольства собой, как будто я что-то упустила, надевая его внутренней красотой. Я посмотрела снова. Все вокруг было прекрасно. Мир вертелся вокруг него, такой весь лохматый, счастливый, непонятный, теплый, страшный и жестокий. Казалось, ему подчинилось все живое и неживое, осязаемое и тщательно скрытое. Дурачок. Он ведь ничего не смыслит.

Я подошла поближе. Хотела окрикнуть, но что-то меня остановило. Посмотрела снова. Наконец я решилась показаться ему, взглянув прямо в глаза. Да, все так, как задумывалось. Мелкое везение, подобранное на дороге, светлый ум, немного таланта. Разумеется, я знала, что он не запомнит, но, вероятно, это и к лучшему. Нужно было ему объяснить. Мы пошли вдвоем: он и его мелкая удача, рассыпавшаяся когда-то на несколько сотен миль, однажды случайно найденная и способная на самые невероятные на свете вещи. Бывает же такое. И ничего нельзя изменить. Особенно место, где меня найдешь.

Когда спустя некоторое время я увидела его с утра, спешащего куда-то быстрым шагом с чемоданом под мышкой, я невольно вздрогнула и сначала не узнала. Он был благодарен. Впервые за столько лет моей тщательной опеки и наблюдений он был счастлив душой, а она была раскрыта и ждала меня с распростертыми объятиями.

Я остановилась. Подождала немного. Потом случайно оглянулась и увидела человека. Он пристально на меня смотрел и шептал что-то тихо, но так, чтобы можно было услышать:

– Время и тебе быть благодарной.

Солнце тщательно плело свои нити, день набирал силу, жизнь изменялась, текла, струилась, обрывалась, заходила в тупик и приходила в движение снова. Место действия изменить было невозможно.

Мария Гуманова, 9 «А»

Марфа не может уснуть

Марфа не может уснуть. Марфушу оторвали от ее любимого занятия – игры в шахматы. Она расставляла фигуры в том порядке, в каком хотела, ходила куда хочет и всегда воевала с черными фигурами. Белые были ее любимыми, потому что, как говорил Дедушка, «они всегда ходят первыми». Марфа вообще любила что-то делать первой. Первой забегать на лесенку на входе в их дом; первой бежать срывать листики мелиссы, когда Бабушка делает чай; первой выпивать кружку еще теплого, пенящегося парного молока, а потом первой вытирать свои белые «усы», но никак не ложиться первой спать. Спать всегда казалось ей неинтересным занятием. Сегодня ночь была особенно черная и холодная.

Марфуша ждет Бабушку. Она знает, что, когда приходит Бабушка, всегда становится тепло и стоит ей один раз закрыть глаза на несколько секунд, когда она их откроет, солнце уже касается ее щек своими лучиками. У Марфы есть секрет, о котором не знает никто. Она даже старается не думать о нем, потому что боится, что вдруг кто-нибудь украдет его из ее головы. Секрет очень прост. У Марфуши есть свои звезды. Когда никто ее не видит, а свет на кухне еще горит (это значит, что

Бабушка решает свои кроссворды, а Дедушка читает книгу про грибы), Марфа отворачивается к стенке, ложится на самый краешек кровати, закрывает глаза и сильно-сильно трет их. Когда она понимает, что ее мир уже здесь, то зажмуривает глаза еще сильнее. Тогда перед ней открывается новая галактика. Марфуша называет ее Мумничка. Всегда, когда она делает что-то хорошее, Бабушка начинает улыбаться своими светлыми глазами, хлопать в ладоши и приговаривать: «Ой какая мумничка! Какая мумничка!» Марфуша не знает, что такое «мумничка», но если ее так называет Бабушка, то это определенно значит что-то хорошее. Она любит, когда Бабушка хлопает в ладоши и говорит это странное слово. Ведь она говорит это про нее.

Ночью Марфуша занимается разными делами. Иногда она подносит свои ладошки к глазам и начинает быстро моргать ресничками, чтобы они приятно их щекотали. Она представляет, что в руках у нее настоящая бабочка, и невольно улыбается, ощущая это приятное присутствие чего-то живого, настоящего и поистине свободного. Иногда она пытается уловить хотя бы один лучик лунного света, чтобы разглядеть предметы в ночных деталях. В темное время суток всегда все выглядит по-другому, поэтому Марфуша не хочет пропустить магические изменения в ее маленькой, но уютной комнатке.

Сегодня Марфуша не может уснуть. Она уже нашла выход из лабиринта узоров на Бабушкином багровом ковре, подсчитала количество лампочек на старой хрустальной люстре, с которой один раз взяла стекляшку, зная, что это самый дорогой драгоценный камень из всех в мире. Поэтому он всегда лежал в кармане ее красного сарафана и приносил ей некую удачу. Маленькая дырочка в длинном ряду стекляшек напоминала ей о том случае, и она всегда улыбалась, зная, что когда-нибудь ей повезет. Бабушка все не приходила. Иногда Марфуша так злилась на эти кроссворды, что ей хотелось спрятать их куда-нибудь далеко, чтобы Бабушка никогда их не нашла и всегда приходила спать к ней.

Долго думая о кроссвордах, Марфуша вдруг увидела Бабушку, которая выключала свет в желтом коридоре и желала спокойной ночи Дедушке. Как обычно, Марфуша закрыла глаза и, пытаясь скрыть улыбку, сделала вид, будто она уже несколько часов дремлет сладким сном. Бабушка тихо раскрыла одеяло, легла на кровать и, сонно пробормотав: «Жаль, кроссворды закончились», повернулась на другой бок и мирно уснула. Марфуша перестала улыбаться. На сегодня чудеса кончились.

Петр Зайцев, 11 «А»

Наемник

*Мерцал в прилеске огонек
На фоне непроглядной тьмы,
Наемник бросил в костерок
Кусок осинового коры.*

*Мгновенно озарился лес,
И вновь деревья скрыла мгла.
Поправил он меч эфес,
Присев удобней у костра.*

*Мерцают власы серебром,
Зудит небритая щетина –
Наемник не был стариком,
Но был немолод, очевидно.*

*Он видел больше большинства
Мещан и рыцарей, царей;
Его усталые глаза
Глядят сквозь дым в пучину дней.*

*Он видел смерть, он убивал,
Смотрел он в гаснущие очи,
Лицом к лицу врага встречал
И резал глотки среди ночи.*

*Он был презренным существом,
Ему грозили ада жаром,
Но был всегда богатый дом,
Куда манили гонораром.*

*Среди закованных господ
Цепями чести и закона
Он жил свободный от оков,
Хозяин собственного слова.*

*Не думал он о мнении людей
И масок никогда не надевал,
Он мастером был лука и ножей
И лично правил жизни своей бал.*

*Мостом меж ним и мира суетой
Был неизменный звон златых монет,
Но даже здесь его лихой судьбой
Руководил лишь он и неба свет.*

*Колеса застучали в темноте,
Подъехал местного виконта караван –
Потух костер, и в непроглядной тьме
Сверкнул наемника смеющийся оскал...*

Марина Крутикова, 11 «А»

Записки Роджера

«Я опять проснулся рано утром в холодном поту, но с вопросом: ради чего я живу?» – фраза, с которой начался дневник Роджера и его новая жизнь. Спросите, что было до этого? Не тратьте время зря, читайте...

Это был такой же обычный день, как и всегда. Роджер постоянно делал одну и ту же работу. Как бы странно это ни звучало, но последовательность его действий никогда не менялась, да он как-то и не задумывался об этом. Он просто жил – жил, как привык. Спал, работал, ел – и больше никакого разнообразия. Не сказать, чтобы ему это нравилось, но Роджеру было незачем что-то менять, ведь все, что у него было, – это

теплый, уютный дом с его любимой коллекцией фарфоровой посуды и тяжелая работа бухгалтера, от которой он не получал никакого удовольствия, поэтому ходил на нее всегда с грустным лицом. Да, не сказать, что этому парню повезло, но это вам пока так кажется.

Раньше Роджер был самым счастливым мальчиком во дворе. У него было все: полноценная семья с богатыми, любящими друг друга родителями; игрушки, которые он пожелает; море друзей и девочек-поклонниц. Но как вам известно, не у всех таких сказок счастливый конец. Родители умерли, когда ему было двенадцать, а наследство отобрали какие-то родственники, которых никогда не волновали ни Роджер, ни его семья. И вот он остался один, брошенный на улице на произвол судьбы. Никто ему не помог, да и не собирался. Именно в этот момент у мальчика с глаз упали розовые очки, сквозь которые он привык смотреть на мир, казавшийся ему таким светлым и радужным. Роджер понял, что родителей не вернуть, дома и семьи или хотя бы просто опекуна у него нет, да и совсем ничего не осталось. Бедный, грязный мальчик ходил по городу в настолько порванной одежде, что проходим казалась, что на нем и вовсе ее не было, а были какие-то тряпки, найденные на свалке возле местного завода. Он потерял надежду, смысл жизни и был готов остаться гнить на улице.

Но так вышло, что у Роджера был невероятный мозг: хоть и редко, он выдавал удивительные и полезные мысли. Эти мысли – словно Божья помощь, которая появлялась в нужный момент, как по нажатию красной кнопки. И вот в один из дней он остепенился, решил начать снова жить. Предстоял тяжелый путь, который открыл ему глаза на жизнь и полностью изменил приоритеты. Роджер начал сразу работать, а спустя некоторое время продвигаться по карьерной лестнице. Наконец настал пик его карьеры – старший бухгалтер. Разве этого он хотел добиться, преодолевая препятствия? Конечно, нет, но, если бы не эти стара-

ния, лежали бы его останки на свалке рядом с тем самым местным заводом.

Теперь каждое утро Роджер просыпается в холодном поту из-за своих воспоминаний, принимает душ, завтракает, идет на свою ужасную работу, а возвращаясь поздно вечером, засыпает без сил.

В какой-то из дней эта последовательность как будто сбилась. Он не пошел в душ, на работу, а сел за стол и написал в большом черном блокноте: «Я опять проснулся рано утром в холодном поту, но с вопросом: ради чего я живу?» Роджер поймал себя на мысли, что должен найти ответ, что обязан вырваться из этой рутины и понять, почему его жизнь сложилась таким образом. Он был настолько озадачен решением своей проблемы, что перестал нормально питаться, посещать работу, с которой его через некоторое время выгнали, и начал по-настоящему ощущать, что он наконец живет. Его мысли начали с каждым днем стремительно вырисовываться в предложения, составлять текст и заставлять его осознавать какие-то вещи, на которые он раньше просто не обращал внимания. Каждодневные записи помогли Роджеру избавиться мозг от тяжелой ноши, перевариваемой в его голове постоянно, и буквально делали его жизнь проще.

Одна мысль, записанная Роджером в блокноте, не давала ему покоя. Он был удивлен тому, что раньше не замечал данного факта, поэтому попросил поделиться этой запиской с вами, чтобы и вы смогли задуматься.

«У каждого человека в нашем мире есть свои желания, мечты и планы. Кто-то выбирает работу, кто-то – высокие чувства, кто-то просто хочет развиваться в одиночку и так далее, ведь, как бы схожи ни были наши желания, они все равно разные и перечислять их можно вечно. Одно их объединяет точно: мы про них порой забываем, да и не только про них, ведь иногда мы забываем, кто мы на самом деле, и становимся такими, какими нас хотят видеть. Мы подстраиваемся под других, скрывая свое истинное «я» под тоннами масок. Наше неестественное поведение заставляет нас менять приоритеты, уводя на задний план то, о чем действительно мечтаем, поэтому, когда мы получаем желаемое, мы просто не замечаем, что поистине счастливы, и осознаем это спустя много лет, когда уже ничего не вернуть, когда уже живем в искусственном мире, который создали сами, считая, что поступали правильно. Бывает, что люди осознают свои ошибки раньше, чем могли бы, и у них еще остается возможность изменить и повернуть все вспять. Но такое чудо происходит не со всеми, а только с теми, кто оставляет в себе хоть частичку естественности. Да, конечно же, в этом нет ничьей вины, это лишь влияние жизненных обстоятельств и ситуаций, которые нас заставляют думать иначе. Но подумайте сами: мы все переживаем трудные моменты в жизни, когда ничего не хочется делать, когда теряешь смысл, когда опускаются руки и кажется, что в нас перестают верить. Если я спрошу у вас, переживали ли вы, то в ответ получу лишь молчание, а затем кивок в знак согласия. Нам тяжело, но мы боремся, продолжаем жить, чтобы познать, передавать свои знания и вкладывать свою лепту в развитие мира.

В последнее время я часто задаюсь вопросом: а какую лепту хочу внести я? Долго пытался найти ответ на этот вопрос, но осознание пришло лишь тогда, когда я смог оказаться в красивом месте в полном одиночестве. Сидя там, я прочувствовал всю естественность окружающей меня природы и на протяжении нескольких минут не мог оторвать глаз от всего, наблюдая за

каждым шуршащим листиком, течением реки, игривым солнцем, которое то ослепляло меня, то заходило за пушистые облака. Спустя некоторое время, наслаждаясь и размышляя на разные темы, я понял, насколько важно быть естественным человеком. Ведь мы устаем от неискренних эмоций, лживых масок на лицах людей и суеты, которую создаем сами от неопределенности. Так давайте жить проще, и пусть каждый из нас внесет в этот мир свою лепту в виде искренности, честности и естественности!»

Роджер никогда не делился своими мыслями ни с кем, кроме своего блокнота. Ведь люди разные, и многие просто не способны или не хотят понимать других, прибегая лишь к осуждению и признавая кого-то «странным», что заставляет осужденных меняться и таким образом защищаться от чужих мнений.

Однако, несмотря на то что Роджер не доверял людям, он смог открыться девушке, которая приняла его со всеми «тараканами в голове». Эту девушку звали Мэри. Она была жизнерадостной и тоже порой расстраивалась из-за прошлого, будущем и настоящим. Ее судьба сложилась лучше, чем у Роджера, но это никак не повлияло на ее отношение к нему, хотя она была намного ближе к элите общества.

Их знакомство сложилось довольно необычным образом. В один из дней Мэри бежала из университета на встречу с отцом в очередном шикарном ресторане, а Роджер, сидя в спортивной одежде и наблюдая за людьми, попивал кофе после пробежки. Он вновь думал о естественности мира, людей и пытался подвести новые итоги, как вдруг увидел Мэри. Ее взгляд, лучезарная улыбка, летящая походка, правильная осанка и утонченная фигура вмиг поразили Роджера. Она отличалась от той сутулой двуличной толпы, за которой он привык наблюдать. Погрузившись в свои мысли, Роджер потерял девушку из виду и не смог ее найти ни в одном уголке парка, но образ Мэри застрял в его голове. Влюбленный парень просыпался и засыпал лишь с мыслью о ней, жил и существовал ради очередной встречи. Отныне его повседневностью стала не работа, а сидение на той самой лавочке в ожидании этой девушки, которая, может, случайно тут пройдет. Он даже не заметил, как стал вести себя более спокойно, просыпаться в отличном состоянии и радоваться жизни благодаря только одним мыслям о ней.

Прошло время, Роджер устал ждать чуда и решил ускорить встречу с незнакомкой. Перед тем как заняться поисками, он решил позавтракать и почитать газету. Там была опубликована интересная статья одной студентки, посвященная поведению людей, и прикреплена фотография Роджера, сидящего в парке. Он, конечно же, ничего не имел против, фотография была очень даже хороша, но его возмутило, что никто не спросил его разрешения на публикацию. Этот инцидент изменил его планы, и Роджер сразу же побежал в офис газеты. Долгий спор с секретаршами утомлял, однако наш парень не отступал и требовал встречи с автором. В конце концов привели студентку, и Роджер долго не мог поверить своим глазам, ведь это и была та самая Мэри, которая тогда поразила его. Увидев друг друга, они ни с того ни с сего рассмеялись и начали бурно обсуждать сложившуюся ситуацию. Именно тогда Роджер открылся Мэри, а не своему блокноту. Она же, ничего не говоря, слушала его внимательно и смотрела понимающими глазами.

С тех пор в их уже совместной жизни произошло многое, но понимание и естественность не пропали никогда.

Александра Литваковская, 9 «А»

Взгляд

*Ты постоянно смотришь на меня.
Меня волнует это и тревожит...
Боюсь я, что уйдешь ты, проклиная «всех и вся»...
Или под громкие возгласы «О БОЖЕ!».*

*Ты постоянно смотришь именно в глаза,
Хватая взглядом мою маленькую душу.
Ночами думаю я, что за чудеса.
Ночами плачу, ведь боюсь, что все разрушу.*

*Я что-то странное чувствую к тебе,
Ведь я люблю, когда ты своим взглядом
Перекрываешь доступ к кислороду мне.
Ведь я люблю, когда ты сидишь рядом...*

Поэт

*Попробую сейчас включить в себе поэта.
Листочек иль тетрадку раздобуду где-то,
Отрою ручку в недрах тумбы выдвижной –
И все... Наедине остался я с собой.*

*Начну я размышлять о смысле жизни,
О том, насколько предан я Отчизне,
Упомяну про безответную любовь –
И буду продолжать так вновь и вновь.*

*Закончу я свой стих ванильной фразой
И осознаю, что я не поэт ни разу.
Ведь быть поэтом – значит ЖИТЬ стихами,
А не записывать текст рифмами и мудрыми словами...*

Как холодно смотрел ты

*Как холодно смотрел ты на меня
В тот миг, когда я покраснела,
Признавшись, что люблю тебя...
От взгляда твоего я обомлела...*

*Я думала, что любишь ты меня!
Теперь понятно. Просто показалось...
Я мотылек, искавший твоего огня.
От мотылька теперя лишь пыль осталась.*

Торт

*Как сложно подобрать слова для описания любви,
Ведь никакие чувства непохожи.
Возможно, это когда чувствуешь, что словно птица ты,
А для кого-то – словно острие вонзают в кожу.*

*У каждого свой повод для любви,
Будь то горбинка на носу иль родинка на коже.
Ты просто лишь внимательней смотри!
И тоже полюбить кого-то сможешь.*

*Я вам скажу про свои чувства откровенно.
Возможно, кто-то тоже влюбится в него.
Лишь стоит мне его увидеть, как мгновенно...
Не остается от него уж ничего!*

*Он так красив, так нежен, так воздушен!
Возможно, кто-то понял, о чем речь.
Я знаю, что не одной уж мне он очень нужен,
Но я могу еще один такой испечь...*

Никита Масленников, 11 «А»

Сон

Опять приходится идти домой поздно. Почти каждый день, когда после всех уроков, занятий, тренировок и репетиций я возвращаюсь домой, уже темно. С каждым днем солнце садится все раньше, а включать фонари вовремя опаздывают: в первые дни на пару минут, потом на десять... Сегодня мне пришлось идти весь путь в полной темноте, лишь свет фар проезжающих машин приоткрывал мир, существующий днем. Но именно в эти несколько десятков минут, пока я иду домой, у меня появилась возможность в стороне от других глубоко и сосредоточенно размышлять о том, что меня волнует.

За прошедшую неделю я перебрал в голове множество беспокоящих меня вопросов, вспоминал книги, прочитанные мною, а сейчас начал просматривать жизнь с самого первого воспоминания. Размышления о прошлом натолкнули меня на мысль о том, что события нашей жизни, если они были тусклыми, серыми, мимолетными и незначительными, оставляют после себя воспоминания, которые легко развеиваются ветром времени, не оставляя и следа. Если случившееся поразило нас и пусть короткой, но все же светлой, яркой вспышкой вошло в нашу жизнь, оно оставит *мечты* – те же воспоминания, но неизгладимые, никогда не исчезающие бесследно. Со временем они принимают новые, порою загадочные формы и очертания, что-то и правда стирается, а другое, наоборот, возмечивается и заслоняет собой недели и месяцы, не оставившие значительного следа в нашей жизни, напоминает о себе с каждой мыслью, с каждым прожитым днем все больше, приукрашивается до такой степени, что становится больше похожим на отрывок из *сна*...

Гудок! Ах! Свет фар ослепил меня на секунду. Оказалось, что, задумавшись, я чуть не вышел на дорогу. На миг опять явился дневной мир: дорога, на ней стертая, положенная третьим слоем разметка, на тротуаре люк, с торчащей из него арматурой, за которую зацепилась брошенная грязная оранжевая перчатка, остановка в осколках стекла, разбитая фанатами после очередного футбольного матча. Рядом ведь стадион. Должно быть, до дома уже недалеко.

Итак, о чем я думал. Реальность, мечты, сон... Да, конечно! Однажды и со мной произошло что-то подобное. Но где же это было? И был ли я там на самом деле? Ответ, на первый взгляд, совершенно логичный: да, конечно, был. Да и сам вопрос – примитивно простой и, кто-то подумает, глупый, однако, если поразмышлять, он в то же время глубоко сложный.

Вероятно, все дело в двойственности человеческой памяти. Сон и явь она закрепляет одинаково нечетко, и вскоре трудно становится понять, что было в реальности. Проходит время, и реальные события принимают те же туманные очертания, что и сны. То, что с нами действительно происходило, смешивается и путается, накладывается одно на другое и из-за этого искажается, додумывается, теряет изначальную форму и смысл, становится совсем не похожим на то, каким было *в сущности*. Хорошо, когда есть фотографии, их все-таки не сделаешь во сне. А когда нет ни фотографий, ни записей, не осталось царапин, зажили шрамы, сошел загар, высохла мокрая одежда, выветрился запах костра, если потеряешь твердую уверенность в произошедшем, легко сольешься сон и явь в единую цепь событий.

Как же тогда отличить настоящее от созданного нашим воображением или скомканного нашей собственной памятью, как понять, какими были события нашей жизни, да и вся жизнь в действительности? Никак? Возможно...

Дверь подъезда. Код: 55#234. Открылась.

Но вернемся к тому *событию*. Это было путешествие, и во время него я, к счастью, делал записи о происходящем и окружающем меня. Правда, как только мы вернулись домой, я их забросил и нашел только вчера вечером, несколько лет спустя, разбирая тумбочку от накопившегося в ней хлама. Я надеюсь, что в моей памяти события сильно не исказились. Сейчас я открою ту тетрадь и разберусь в своих заметках.

Это был маленький городок в маленькой стране – Бельгии.

Дорога к нему когда-то была зарисована мною так: «Вокруг, за заборчиком, зеленые луга, покрытые серебряным инеем, и расстилающийся по ним туман, сказочный молочный туман. Потом в окне машины вдали виднелись маленькие деревеньки, перед которыми в загонах пасутся овцы и лошади. Перед глазами создавалась настоящая сельская идиллия».

Но что я помню?

Сейчас это только нарисованная в рамке автомобильного окна бесконечно длинная, застывшая в вечности коричневатая дорога, по ее краям – нечеткая ограда, а за нею – туман цвета разведенного с водой молока... Молоко? А куда же делись овцы и лошади? Даже зелень лугов превратилась в блеклую алюминевую вуаль, покрывающую пространство за нерезким, как на плохой фотографии, заборчиком. Выглянув из окна маршрутки, везущей меня в Химки в пасмурный, дождливый и туманный день, я увижу то же самое. Только вместо заборчика – металлическое посейное ограждение, коричневого от грязи. Но разве это та дорога, которую я хотел запомнить?

«Когда все-таки оказываешься в городе, кажется, что попадаешь в сказку. Все дома выдержаны в строгом стиле, напоминающем готику. Их квадратные окна стянуты решетчатыми намордниками, которые как будто не дают вырваться наружу лаю семейных ссор. Кирпичные и каменные, с острыми крышами и

возвышающимися над ними прямоугольными трубами, большими лагунными ручками на дверях в виде морды льва или кабана с кольцом в зубах, табличками с датами основания: "1669", "1629", "1584", "1773", они стояли плотно прижатыми друг к другу на узеньких улицах города».

Эти дома и в моих воспоминаниях стоят так, но со временем они начали напоминать иллюстрации к детским книжкам. Теперь те дома – синево-серые, как вырезанные из голландских сказок, которые мне мама читала еще до школы, только неясно, как они переместились из Голландии в Бельгию. Мне даже легче вспомнить, как я слушал те сказки, чем представить перед собой настоящие готические дома, которые я видел-то сравнительно недавно. Вот я, маленький мальчик, сижу у мамы на коленях и слушаю, как она читает. Голос очень мягкий, даже идиллический, вокруг белизна, словно больше нет никого на свете, кроме нас. Ни комнаты не помню, ни какая была книжка. Эти моменты уступили место в моей памяти первому дню в школе, игре в войнушку в детском саду и вкусному пирожному со взбитыми сливками, по глупой неосторожности уроненному на пол. Помню, как я о нем жалел. Теперь жалею, что моя память так предательски выборочна и рассеянна.

«Сам по себе город как будто бы застыл в конце Средневековья. И протвоестественно видеть, что по нему ездят машины, они едва помещаются на его крошечных улочках. Телеса с немилыми людьми или ватага пьяных вагантов, выходящая из-за угла кабака, больше подошли бы темным и узким каменным улицам».

Только вот сейчас все автомобили выглядят застывшими на месте, еще и размазанными невидимой кистью; пешеходы больше не идут по своим делам, а стоят недвижимо, каждый в своей позе, как если бы их внезапно заморозили. Память причудливо исказила картинку, придав ей совершенно другие очертания...

Ага! Вот еще одна запись: «Из-за угла вдруг выглядывает черная величественная колокольная башня католического собора – с острым шпилем, черепичной крышей и огромными белыми часами – и тонет в дымке, проваливается куда-то назад...»

Уже здесь, в Москве, во время бледных учебных будней бывают такие моменты, особенно вечером, когда занят разными скучными делами и хочешь хоть на миг, хотя бы взглядом вырваться из своей душной квартиры. Посмотришь в окно и вдруг там, между двумя девятиэтажками, продравшись взором через огни фонарей, свет квартир и нити проводов, увидишь, как в темном вечернем небе выплывет на миг из облаков та башня, дрогнет стрелка на циферблате, ударит колокол – и исчезнет, потонет, провалится обратно.

В том городе мы были всего два дня. С трудом я принимаю это сейчас, ведь те два дня хоть и исказились, но заняли больше места в памяти, чем некоторые недели и месяцы моей жизни. Помню, что на второй день я проснулся под пение птиц. Мне показалось тогда, что за окном весна, хотя была зима. Впрочем, в моих воспоминаниях время года потеряло свои особенности очертания. Да и никаких звуков я сейчас не слышу, знаю только, что они были.

«А прямо под окном была темная голубая река, скованная каменными берегами. Над нею возвышались те же голландские книжные домики. Моя мама даже видела в реке лебедя!»

Ой... Как странно. Как я мог написать про домики из книг тогда, три года назад, если задумался об этом лишь сейчас? Не может же быть, чтобы я написал эти строчки в другое время. Я ведь сразу забыл о записях и забросил их в тумбочку, как мы вернулись. Значит, это воспоминание периодически всплывает в моей памяти. А лебедя я даже сейчас вижу: ярко-белое пятно в виде птицы и до сих пор там, в темных водах реки.

«Чудный городок. Ранним утром продавцы открывают свои магазины, уже десятилетия они отпирают тяжелые ржавые замки, поправляют колокольчик над дверью и встряхивают древний половичок – десятилетия!

А может, и века... Эти люди живут в своих крошечных двух-трехэтажных домиках, а на первом этаже у них собственная пекарня, или мастерская по производству игрушек, или лавка сапожника. Сменяются поколения, а домишки остаются такими, какими были построены несколько столетий назад».

Даже сегодня, годы спустя, я ясно это вижу: пестрая реклама, витрины, заполненные разноцветными игрушками, деревянными солдатиками, плюшевыми мишками, пирожными с заварным кремом, имбирным печеньем и марципаном, покрытым шоколадом. Только теперь это очень сильно напоминает растянувшуюся на несколько улиц рождественскую ярмарку, на которую мы всей семьей ходили здесь, в Москве, когда я был еще маленьким.

«На одной из аптек написан год – 1835-й, а рядом висит памятная табличка доктору, основавшему первую аптеку в городе. Усатый бронзовый дядька за долгие годы покрылся темным налетом, но остался таким же серьезным и величественным».

Там была ратуша, без которой не обходится ни один европейский город. Она и тогда походила на настоящий рыцарский замок, а со временем еще больше преобразилась в моей памяти: на фасаде вывешены ярко-красные полотнища с золотыми гербами, высокие шпили башен стали еще острее и, кажется, вот-вот проткнут небо. Небольшие каменные львы у входов теперь превратились в грозных мраморных охранников, стерегущих ворота замка.

Следующее... Да, вот! «На одной из улиц в центре посажена аллея причудливых деревьев. Вечер, фонари вдоль тротуара не включили, и лишь далекий, но ясный свет в конце улицы выделял их профили. Я не знаю, что это за вид, но на мощных стволах у них множество кривых, направленных в разные стороны ветвей, с которых давно облетела листва. Ярко высвеченные сзади, эти деревья походили на застывших сказочных монстров с растопыренными ветвями-руками». И они остались абсолютно, ну точь-в-точь такими же! С ними ничего не изменилось, они уже были сказочными и поэтому не исказились.

Но как много другого исчезло из моей памяти. Сколько из того, что я сейчас прочел, смешалось, спуталось, потеряло свой настоящий облик из-за других, накладывающихся друг на друга воспоминаний! А что если я больше никогда не вспомню, никогда не пойму, что происходило тогда вокруг в действительности?! Все стало похожим на мутную,

нечеткую картину, где замысел художника остался неизвестен, а реальные события, с которых она писалась, исказились так, как будто ничего и не было вовсе, как будто все приснилось...

Смотрю в свое окно. Уже почти ночь, не видно больше девятиэтажек, скрылись до рассвета столбы и провода, непроглядная тьма забрала кирпичную заводскую трубу. Но вдали мне мерещится нарисованная пастелью или мелками улица. Бесцветные, серовато-синие дома с высеченными в них квадратными окнами, каменные ограды, часы и шпиль высокой готической башни, чудного вида дерева, барельеф с бронзовым человеком... И все это начинает тускнеть и исчезать. Последнее, что я успеваю заметить, – ворота на въезде в город и его название. Ах да, я же так и не сказал, как он называется. Брюгге. Слово, ничего не значащее для русского человека, ничего ему не напоминающее и звучащее как долетающий до сознания обрывок фразы или мысли... или сна. Да, сна, которым и стал для меня тот город.

*Заметки откроются сами собой,
Как ты мне открылась когда-то.
Пустые страницы займутся строкой,
Которой не все будут рады.*

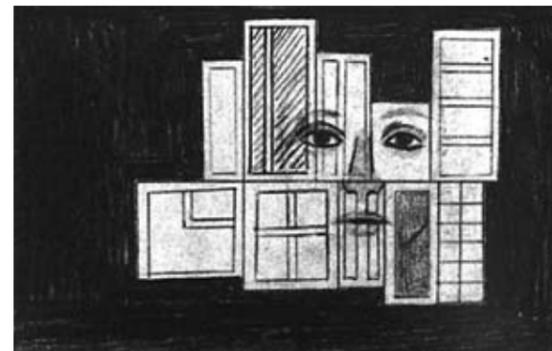
*Сторонние взгляды едва пробегут
Своею неловкой походкой,
А буквы словами в момент обростут
И выпятят груди почетно.*

*Абзац за абзацем, строфа за строфой
И рифма неточная с точной.
В руках – телефон и во взгляде – покой,
Заданный музыкой прочно.*

*Серьезные фразы родятся стремглав,
Собой красоваться желая,
Не скрывшись от грозных и пафосных глаз,
В сраженьи с собой побеждая.*

*В упадке, без сил, но довольный собой,
Побитый, но радостный воин.
Я снова и снова вхожу в этот бой,
Которого я недостойн.*

*Закончу на главном и точкой в ответ
Оставлю в раздумьях кого-то.
Простите, но я – вот такой уж поэт,
Что пишет до крови и пота.*

Василий Матвеев, 10 «В»

Я

*Я не вижу свой талант, сколько б ни смотрел.
Я – невинный арестант этих серых стен.
Я смотрю со стороны, громко хохоча.
Я и ты – одни вруны. Можно палача?*

*Я не удивляю глаз, песен не пишу.
Я рисую лишь для Вас и за Вас дрожу.
Я оставлю в тишине слов немую гладь.
Я молчу, а стоит мне плакать и кричать.*

*Я невнятно соберу из осколков цель.
Я отправлюсь – и дойду, не осев на мель.
Я – бездарный режиссер, что слагает птиц.
Я – посредственный актер с тысячами лиц.*

*Я, конечно, идиот. И ты знаешь, впрямь
Я не стану лезть вперед, «Марсельезу» петь.
Я – одной игры артист, новая строка.
Я, бесспорно, эгоист. Да, таков уж я.*

Поэт

*Как-то раз, под тягой груза
Томной совести людской,
Мне во сне явилась муза
С небосклонной мостовой.*

*Я спросил ее: «Эх, муза,
Почему мне не везет?»
А она лишь стала грустной,
Завершая свой полет.*

*«Собери все силы, путник,
Не меняй старинный курс.
Пусть дорога будет трудной,
Но иди, пока есть пульс».*

*Я взмахнул рукою грозно:
«Не нужны твои слова!
Все, что сложно, невозможно,
И страдает голова».*

*Помрачнела вмиг богиня,
Стала расправлять крыло:
«Ты и впрямь дурак, Василий,
Тебе просто не дано».*

*«Ну прости, я не подумал!»
Но в ответ – лишь тишина.
А поэт лишь грубо сплюнул
И расплакался в сердцах.*

*Стихи на сегодня окончены.
И пуст церемонный зал.
Свидетели больше не сморщатся.
Винючник не выпустит жал.*

*Судья не скажет заткнуться.
Присяжные не замолчат.
И пепел с седых окурков
Не скрасит курящих чад.*

*Отец не взмахнет кидилом.
Солдат не взведет прицел.
Не дрогнет сосуд с метилом.
И в реку не сбросят тел.*

*Модель не пройдет на сцену.
Хирург не разрежет плоть.
Не спросит никто про измену,
Не вскрикнет, не сплюнет вновь.*

*Чиновник не купит шлюху.
Не снимет фильм режиссер.
Спортсмена мечты не рухнут.
Не вспыхнет огнем костер.*

*От льда не оттают руки
В морозе квартирных стен.
Пройдут наслажденья, муки
В угоду других проблем.*

*И больше никто не напишет
Углем на сырой стене
О том, чего мы не услышим
И вновь не прочтем нигде.*

Мария Непорожняя, 9 «А»

Зебра

Девять вечера. Городу, к счастью, уже пришлось попрощаться с надоедливым солнцем, успевшим так наскучить за несколько часов нестерпимой жары. Вот из темноты наконец-то выглянула луна, белый и невинный цветок. Ее контраст с черным как смоль небом выглядел довольно забавно. И каким же образом у них, таких разных, получается уживаться друг с другом...

Все окна были закрыты из-за июльских комаров, они вечно прилетают, когда не просят. Стены душной, пыльной комнаты слушали увлекательный диалог. Беседа велась оживленно.

– Зачем? Во имя чего? Неужели тебя так довела эта чудная жизнь?

– А во имя чего, собственно, жить? Зачем стараться, прикладывать какие-либо усилия, рваться куда-то туда, где нет ни малейшей надежды на светлое будущее. Конец. Все абсолютно бессмысленно.

– Бессмысленно то, что ты сейчас говоришь.
– Я могу замолчать хоть навсегда, если пожелаешь.
– Не нужно молчать! Знаешь, довольно пугающе слышать такое от человека, который хотел наложить на себя руки.

– И по сей день хоч.
– Не кажется ли тебе, что это немного эгоистично?
– Сомневаюсь, что кто-то в этом мире во мне нуждается.

– Конечно, нуждается. Сомнения разрушают все в этой жизни.

– Сомневаться необходимо. Причем постоянно. Анализировать и сомневаться в той информации, которую мы получаем. Для чего же нам тогда дали мозг?

– А как же идти на риск? Дух авантюризма, приключения! Идти напролом, невзирая на все, что может не получиться, что может пойти не так, ради своей цели.

– Моя жизнь бесцельна. Доволен?! Разве такие люди, как я, без какой-либо цели в жизни, идут на риск?

– Конечно, идут. На риск остаются ни с чем. Риск быть непонятыми и неслышанными. Риск не оставить в этом мире свой след.

– На кой черт мне сдался этот след? Я никому ничего не должен.

– Тогда ты не живешь, а просто существуешь.
– Скоро не будет ни того, ни другого, ни меня.

– Как же ты не понимаешь! Мы рождены для того, чтобы прийти в этот ужасный мир и что-то изменить. Сделать его лучше.

– После всей грязи, что на меня вылили за время моего существования, после столь большого количества раз, когда меня называли бездарностью, после того, как я уже похоронил себя морально, не думаю, что я хочу или могу что-то изменить в этой помойке.

– Значит ли это, по-твоему, что единственный выход, чтобы выбраться из той ямы, которую ты себе вырыл сам и сидел в ней, жалуясь на условия, – это самоубийство?

– Меня просто сломало это гнилое общество.

– Ты сам себя сломал. Неужели ты всю свою жизнь провел в коконе, изолировавшись от мечтаний, надежд, стремлений, амбиций? Ты решил, что ни на что не способен только из-за чьих-то ничего не значащих слов? Вот мой тебе совет: плюнь на них и живи. Мой любимый писатель в одном из своих произведений высказал мысль: «Надо жить на восьмистах в час, а потом умереть, да так, чтобы мозги растеклись по капоту». Я, конечно, не хочу, чтобы ты воспринимал сказанное буквально, но жить нужно на полную катушку. Господи, да как только в твою большую голову пришла мысль умирать! Послушай, когда ты в последний раз любовался закатом? А когда трогал утром залитые солнцем листья в росинках? Когда ты в последний раз просто наслаждался моментом, радовался, что ты существуешь, можешь дышать, ходить, трогать, видеть, любить, осознать, понимать, смотреть, творить? Был ли у тебя в жизни такой момент, такое невероятное ощущение влажности в глазах, когда все вокруг приобретает какой-то сакральный смысл, какую-то необыкновенную теплоту, когда приходит осознание того, что минуты идут невероятно быстро, и есть только ты и эти минуты, нельзя терять ни малейшей секунды, нужно жить? Дурак, смерть – это для слабых. Именно в такую минуту жизнь, кажется, начинает побеждать тебя самого в соревновании по бегу, уже скрывается вдаль, а ты еще не успел ею насладиться и, хоть она и немало раз давала тебе пощечину, все равно любишь ее. Влажность в глазах возрастает, все вокруг начинает казаться слишком хорошим, лучше, чем оно, по идее, должно быть, а в голове только: дарить и отдавать. Дарить и отдавать тепло людям, которые тебя окружают, которые тебя, может быть, пока еще не окружили, но их души мелькают где-то неподалеку от твоей души. Говорить «люблю» тем, кому хочется это сказать, дарить и отдавать улыбки, которые так редко встретишь на улицах этого пыльного города. За временем не угнаться все же, но попытаться стоит, пока оно совсем не скрылось из виду. Ну что, хочешь умирать?

– Знаешь, а жизнь, наверное, и не такая, какой я ее себе представлял. Может, выпьем малинового чая и все обдумаем?

Маленькую комнату наполнил аромат мужского одеколона и ядреный запах медицинских препаратов. Раздражающий скрип двери раздался неожиданно и некстати. Больной медленно открыл глаза и поднялся с кресла. Сориентировавшись в пространстве, он быстро схватил со стола веревку, завязанную в узел, и поскорее спрятал ее под кровать. Немного отодвинув в сторону табуретку и заглянув в зеркало, мужчина обнаружил себя гораздо бледнее, чем обычно.

– Добрый вечер, мистер Джонсон. Пора принимать лекарства! Что это с вами? Я чувствую, вы снова вели беседы с самим собой...

Послание поэтам в розовых очках

*К несчастью, слабый я поэт.
Неопытен, не весел, не остряк.
Не приукрашиваю бред
И не считаю, что сюжет – пустяк,*

*Что главное – лишь яркая обертка
И слов бессмысленных набор,
Прикрытый массой сравнений и метафор.
Поэту это смертный приговор.*

*Среди подобных я изгой,
Но не приму их взгляд. Никак.
Возможно, сын я революции,
А может, пессимист или дурак.*

*Закрыв глаза на произвол и хаос,
Вы пишете о том, как жизнь мила.
Вот только вам всего лишь показалось –
Она уже давно как отцвела.*

*Очнитесь! Грязь повсюду:
В словах и в людях, в мыслях наших.
Но вы, не собираясь ничего исправить,
Царапаете стишки свои, да лишь бы вышло краше.*

*Поэты! Люди в розовых очках.
Чтоб угодить толпе, вон лезете из ваших кож.
Я лучше буду жить угрюмым реалистом,
Чем славу получу
и с вами стану схож.*

05.09.17

Варвара Пивнюк, 10 «А»

В самом начале отношений, помню, он был небогат, скорее даже беден, но все равно не упускал возможности лишний раз подарить мне цветы, игнорируя протесты и просьбы делать это хотя бы только по праздникам. Однажды он поинтересовался, какие цветы мои самые любимые, на что я ответила, что люблю гвоздики. С тех пор он каждый день дарил мне именно их.

И вот через много лет мы, сидя на веранде нашего большого загородного дома, вспоминали молодость. Он рассказывал, как много для него значит то, что я поддерживала его с самого начала пути, а потом добавил: «Все-таки мне тогда очень повезло, что ты любишь гвоздики!» – и засмеялся.

А я только и смогла сделать, что улыбнуться в ответ. Пионы... Я всегда любила пионы.

Первый майский дождь

*Я – триумфальный первый майский дождь,
Я каплями проник в уставший город:
Унылый герметичный мир был вспорот –
И зябкая бежит по коже дрожь.*

*Я в теле города ищу пути:
Они лежат под сердцем арматурным –
Холодным, но живым. Тут небо хмуро –
Однако, не найдя тропы, мне не уйти.*

*Целую нежно город я в висок,
Целую в губы, в лоб, в глаза драконы,
Я глажу холодом его ладони.
Ах, как прекрасен город, как высок!*

*Запястья города – паучья сеть:
Проспекты, улицы, дороги и кварталы.
Я – майский дождь, я заживляю раны,
Я – врач, я должен город осмотреть.*

*Вдруг слышу: бьется пульс у мокрых стен.
Теперь я знаю все его секреты,
Стираю гнев, усталость и запреты –
Доверился, открылся город мне.*

*Я – триумфальный первый майский дождь.
Кивну – и жизнью город отзовется.
Я не дарю ни денег, ни эмоций,
Но ты меня все так же жадно ждешь.*

Мой маленький смысл

*почему всегда так больно смотреть
на упавший шарик мороженого?
слезы текут из глаз ручьем,
когда наблюдаешь с ужасом смерть
чего-то столь прекрасного,
но простого.
возможно,
причина тут вот в чем:
второй раз не купят вот так,
по воле доброй,
в награду, к примеру,
за рисунок пригодишь.
вместе с шариком на асфальте тает твой
единственный шанс,
и ты стоишь наедине с вафельным
конусом
или вообще со стаканчиком, который
нельзя съесть.
обращая голову к небу,
шепчешь заплаканным голосом:
«Боже, ты вообще есть?»
а в ответ, само собой, тишина.
ведь то, к чему ты обращался,
лежало в самом центре холодного шарика.
вместе с ним из рук твоих выпал
сам смысл.
по факту наша жизнь –
набор привычек.
мы знаем, что за послушание и труд
получим поощрение
из, скажем, сладостей заграничных.
а сейчас, уронив свое хрупкое счастье
на пол,
твоя жизнь уже никогда не будет такой,
как обычно.
как тут жить,
когда совсем не хочется?
как дружелюбным быть,
когда с упавшим на пол смыслом все
испорчено?
по течению разве что тупо плыть,
разглядывая берега
да бескрайнее синее небо.
и молча мечтать.
мечтать о желанном шарике мороженого
следующим летом.*

Одиночество

*Скован был я весь тревогой
В городке своем ночном,
Как вдруг пестрая кукушка
Появилась за окном.*

*Взгляд она свой обратила
На тарелку сухарей.
Птица голову склонила,
Начал я следить за ней.*

*Загнан в угол грустью властной,
Я решил пресечь тоску.
Еле слышно молвил: «Здравствуй».
А кукушка мне: «Ку-ку».*

*«Жизнь моя давно прогнила,
С ней прогнила и душа.
Больше ничего не мило.
Что тогда забыл здесь я?*

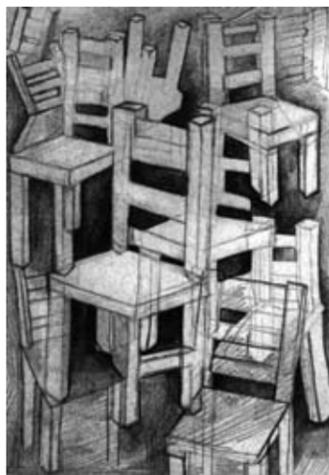
*Я судьбы своей невольник,
Палец тянется к курку.
Деться бы куда от боли...
Будешь другом мне?» – «Ку-ку».*

*«Общество меня отвергло,
Из спины торчат ножи.
Кто сказал вам о доверии?
Все построено на лжи».*

*На тарелке стало пусто,
Птица отошла к окну.
«Тебе тоже стало грустно?
Погрустим вдвоем?» – «Ку-ку».*

*Закричал я от обиды
Со слезами на глазах:
Птица с равнодушным видом
Совершила крыльев взмах.*

*Чувствую себя прескверно.
Снова впал душой в тоску.
Но когда-нибудь, наверно,
Жизнь наладится. Ку-ку.*

Мария Трофимова, 10 «В»

Как стать гением, не пугая санитаров

Глава первая

Был, помнится, один особенно солнечный день в июле. Казалось, все было залито солнечным светом – дома, деревья, улицы. Вся Москва словно сверкала золотым блеском. Но в один из ее самых дорогих ресторанов, который находился рядом с еще более дорогой гостиницей, свет проникал через большие витражные окна какими-то блеклыми, тусклыми порциями. А обстановка внутри него создавала атмосферу богатого дворца: высокие бледно-салатовые стены, густонаселенные белой лепниной, зеркальный паркетный пол, словно рекламирующий очередное средство для мытья, и столики с белоснежными скатертями, довершавшие картину блеска и роскоши с примесью чего-то иностранного.

Несмотря на уже давно сложившуюся традицию и заоблачные цены, народу в ресторане было непредсказуемо много. Вследствие этого атмосфера напоминала переполненный улей, в котором официанты бешено носились между столиками под вялое гудение посетителей. Но последнее уже так, к слову.

За самым дальним столиком, отгородившись от всего свежим номером газеты, сидел человек, можно сказать олицетворявший саму галантность. Он был необычайно высокого роста (если ты встретишь когда-нибудь человека выше его, то можешь считать, что тебе крупно повезло), но при этом худой (некоторые, особенно дотошные, даже назвали бы его тощим), шатен с густыми, слегка длинноватыми и немного растрепанными волосами. Также у шатена были бакенбарды, кончавшиеся чуть ниже мочек ушей. Что до лица, то оно с математической точностью заявляло о западном происхождении его обладателя. А черты были не просто тонкими, не просто запоминающимися, а какими-то острыми и даже слегка своеобразными: высокий лоб, темные подвижные брови с изломом, широкая тонкая линия рта, худые щеки, маленький острый подбородок. Стоит отдельно описать его глаза и нос, почти сразу же привлекающие к себе все внимание.

(Потерпи еще минуточку, читатель, и все закончится.)

Так вот, глаза – большие, округлые, широко распахнутые, карие, как будто искрящиеся и смеющиеся, едва на них взглянешь. Нос – длинный, крючковатый, худой и опять же острый – делал шатена похожим на орла.

Человек имел немного забавную привычку – держать левую бровь всегда выше правой.

Теперь об одежде: узкие черные джинсы, ужасный персиковый вязанный джемпер с золотым люрексом, со старой засушенной веточкой омелы, приколотой к кармашку на груди. (И никому непонятно, как человеку не было жарко в джемпере в июле.) На длинной шее была в адамовы времена черная, а теперь блекло-серая засаленная повязка. В левом ухе болталось черное блестящее кольцо.

Вот, кажется, и все, что пока нужно знать об этом человеке. Ах да, на вид шатену можно было дать лет двадцать – двадцать пять (но я открою секрет: ему двадцать восемь). И да, мои верные критики, согласись, описание не из маленьких. Но зато не в середине книги, как говорится, да и иллюстраторы этих строк не смогут особо фантазировать. А теперь, заскучавший мой читатель, слушай, начинается.

Шатен перевернул страницу газеты и, кивнув своим мыслям, продолжил читать. Но видимо, чтение быстро наскучило ему, потому что уже через две минуты шатен сложил газету. И, резко вскинув голову и скрестив руки, уставился в потолок. Просидев так буквально несколько мгновений, ни на что не реагируя, он вдруг неожиданно вскочил и... Нет, все-таки удержался на ногах при помощи стола, правда чуть не перевернув его. Затем, схватив газету, человек пулей стартовал к выходу, умело оглябая официантов и столы. Но уже в дверях ловкость его поутихла и решила столкнуться нашего знакомого с очередным посетителем. Шатен, в свою очередь, исправил ситуацию быстрым, но вежливым извинением и почти мгновенно испарился.

Все это произвело поистине необычайный эффект на гостей, превратив их вялое гудение в сумбурный вой. Однако официанты, как это ни странно, в большинстве своем оставались невозмутимо спокойными, словно в случившемся не было ничего необычного (то ли завидная вымуштрованность, то ли действительно не было).

А тем временем по Большой Лубянке шла одна девушка – Влада Воронцова (зачем мне скрывать ее имя). Влада работала консультантом в очередном офисе по продаже всяких бесполезных вещей. Сегодня у нее был выходной, а, как говорилось выше, день выдался солнечный, поэтому вполне оправданно она решила прогуляться.

Влада – худенькая девушка лет восемнадцати, очень маленького роста, с милым мальчишеским личиком, кажется навсегда застывшим в удивленно ласковом выражении. Глаза у нее были чисто два изумруда, брови черные, как деготь, а волосы короткие, пышные, крашенные в слишком яркий ржаво-рыжий цвет. На ней были коричневая футболка и красные бриджи. Вот и все. Описание закончено. Я спорю, ты даже зевнуть-то не успел.

Итак, вернемся к рассказу. Солнце светило очень ярко, Влада шурилась и улыбалась. У нее было прекрасное и такое же солнечное настроение, как и этот день. Мысли Влады были полны солнечных мечтаний, иногда отвлекавших ее от окружающего мира. Она принадлежала к тому типу людей, которые всегда и везде думают о приключениях и авантюрах, но, как ни странно, именно с такими людьми редко происходит что-то интересное. Владе суждено было стать исключением. Она как раз проходила мимо Фуркасовского переулка, когда ей навстречу вышел (кто бы ты, читатель, думал?), конечно, наш знакомый. Он шел слегка подпрыгивающей поход-

кой и улыбался широкой белозубой улыбкой, которая так часто раздражает унылых людей. Наш знакомый имел какой-то растерянный вид, будто уже очень долго искал кого-то и не мог найти. Шатен увидел Владу и подошел к ней с видом золотоискателя, наконец-то нашедшего редкий самородок. Влада настроилась на беседу, уже надеясь на неизбежность опасной и невыполнимой просьбы.

Высоким и хриплым голосом человек заговорил:

– Квадрат, круг, треугольник...

– Что? Простите... – Влада мысленно отчитывала свои уши.

Шатен тут же продолжил все тем же странным голосом:

– Два направо, три налево...

И, быстро кивнув головой, пошел дальше. Влада застыла на месте, думая о затянувшихся весенних обострениях.

Шатен остановился и обернулся:

– Ах да, чуть не забыл: скоро увидимся. До свидания.

...За весь день Влада так и не смогла отделаться от странного ощущения неловкости. А из головы все никак не выходили слова знакомого.

Выходной не принес того облегчения, на которое Влада надеялась. Из-за этого она стала еще более раздраженной и уставшей. Казалось бы, обычный человек уже давно забыл бы про случай на улице, но только не истинная искательница приключений Влада.

– Да расслабься. Обычный двинутый парень, таких много, особенно сейчас, просто решил испортить настроение, – уже в пятый раз говорила Владе, подливая кипятка в кружку с чаем, ее подруга Аня, крикливая костлявая девушка в полосатой футболке.

– Нет. Он точно хотел сказать мне что-то важное. Но то ли не смог, то ли...

Аня фыркнула:

– Опять ты за свое! Ты всегда все усложняешь. Да когда ж ты согласишься на мир проще? Ладно, черт с тобой, – Аня сделала могучий глоток из кружки. – О, кстати, ты слышала, что начальник просил тебя зайти на тридцатый этаж?

– Это зачем еще?

– Говорит, чтобы ты принесла оттуда коробки с бумагой, а то у него в принтере закончилась.

– А почему я?

– Ну что ты меня об этом спрашиваешь, как будто я его мысли читать умею.

На тридцатом этаже был чердак. Так как здание было построено относительно недавно, большинство агентств еще не успели разобрать свое оборудование, поэтому все мелкое и большое имущество было сложено в коробки и оставлено на чердаке. Именно туда и направлялась Влада. Она решила доехать на лифте, но он, как ни странно, сломался, хотя его починили буквально три дня назад. Влада емко высказала свое мнение о рабочих и, ропща на судьбу, попутно проклиная начальника и лифт, начала подниматься по лестнице. Отдышавшись, Влада открыла дверь на тридцатый этаж и пошла по коридору, полному бесчисленных кабинетов. Коридор был длинный и узкий, освещаемый редкими лампами. Дальше за ним шли перекрестки из других таких же бесчисленных коридоров. Наверно, каждому человеку, оказавшемуся там, пришли бы на ум какие-нибудь фильмы ужасов. Влада медленно шла вперед, смотря по сторонам в поисках третьей пятой двери.

Метров примерно через шесть нужная дверь была найдена. Влада дернула за ручку, и словно по приказу дверь на тридцатый этаж захлопнулась. Ощущение страха усилилось. Надеюсь, что ничего особенного не произошло, Влада сделала несколько шагов в сторону лестницы. Но вдруг она отчетливо услышала, как ключ в замке повернулся три раза. Влада остановилась. Первая дверь от входа на этаж скрипнула и медленно открылась. Страх достиг апогея. Влада побежала по коридору. Плана дальнейших действий у нее не было, но, может, кто-то в это время тоже пришел сюда за вещами, тогда вдвоем они смогут выбраться. Хотя Влада понимала, что это невозможно, ведь вход на тридцатый этаж один, а второй еще не оборудован. Через минуту возник первый перекресток из коридоров. Влада, вспомнив неизвестно к чему всплывшие в памяти слова незнакомца, повернула направо. Еще через одну минуту снова возник перекресток, и Влада уже с небольшой уверенностью опять повернула направо. Затем возникли еще три перекрестка, и она три раза повернула налево. Через несколько мгновений Влада оказалась в тупике. Дальше бежать было некуда. На секунду Влада впала в оцепенение и уже настроила мысли на трагический конец и тяжелую битву, но, повернув голову, заметила одну дверь, выделявшуюся на фоне остальных. Если все двери были обычными – деревянные, коричневые, с золотыми номерками, то эта была темно-серая и железная. А в центре двери на квадратной вставке был вентиль с тремя переключателями. Не знаю почему, но Влада посчитала эту дверь очередной подсказкой незнакомца. Она тут же принялась откручивать вентиль, но он не поддавался. Видимо, тот, кто запер вход, позаботился и об этой двери. Руки соскальзывали и начали болеть. Смирившись со своей участью, Влада бросила попытки спастись и из последних сил потянула вентиль на себя. Как оказалось, дверь уже была открыта. Удивляться было некогда. Влада подбежала к открывшемуся проему, но... За дверью скрывалась глубокая и темная шахта лифта, отдававшая гулкой тишиной. Влада, как завороченная, смотрела в глубину шахты. Тишина так и била в уши, но спустя несколько секунд из темной глубины послышались отдаленные звуки высокого мужского голоса и скрежет металла. С каждым мгновением звуки становились все громче и приближались. Стали различимы слова песни Vampire Money группы My Chemical Romance, голос крайне фальшивил, но пел весьма задорно и весело, и даже скрежет металла не мог заглушить его, хотя очень пытался. Из темноты шахты стала выплывать верхушка лифта. Казалось бы, вот оно спасение, но со стороны коридора стали слышны быстрые шаги, как бы излучавшие холодный страх.

Влада наклонилась в шахту и крикнула что было мочи:

– Скорее!

Голос, прекращая петь, ответил что-то отдаленно напоминающее слово «хорошо».

Лифт и правда поехал быстрее, но и шаги в коридоре ускорились. Влада стала оборачиваться, потому что боялась, что кто-то в любую минуту выйдет из-за угла. Но лифт уже приехал. Внутри него стоял наш знакомый.

– Добренького денечка, – сказал он мелодичным фальцетом и опять улыбнулся.

– Опять вы? – Влада снова застыла, на этот раз от удивления.

– Да, я, – шатен наклонил голову в сторону.

– Но...

– Нет времени рассуждать, идемте.

Наш знакомый быстро ответил уже не фальцетом, а своим обычным высоким хриплым голосом, дернул Владу за руку и затащил в лифт. Лифт тотчас же по-

ехал вниз. Шаги стали удаляться и остались где-то наверху. Несколько секунд Влада молча стояла, смотря в никуда и пытаясь прийти в себя. Когда она поняла, что опасность миновала, то испытала великое облегчение. Оглядев лифт, Влада посмотрела на шатена снизу вверх, тот заметил ее взгляд и обернулся.

– А вы, однако, медленно бегаєте, дамочка, – сказал наш знакомый, скрестив руки и пытаясь разрядить обстановку. – Знаете, сколько я вас ждал? Минут десять, не меньше.

– А вы на лифте тоже, знаете ли, не быстро приехали.

Шатен хмыкнул.

– Один. Один, – сказал он, мотнув головой, и продолжил после небольшой паузы: – Как вас зовут?

– Влада...

– А меня Чарли.

– Это прозвище?

– Нет, почему же, – шатен опять улыбнулся и заговорил фальцетом, он, видимо, всегда так делал, когда у него повышалось настроение. – Мое имя Чарльз Рональдсон. Выговорить его непросто, поэтому все зовут меня Чарли.

– Значит, – теперь настала очередь Влады улыбнуться, – значит, вы англичанин?

Улыбка Чарли тут же стала не такой радостной, а голос вновь стал обычным.

– Нет, я шотландец, – ответил он быстро.

В воздухе опять повисло недолгое молчание. На этот раз его нарушила Влада:

– А кто это был?

– Где? – снова быстро ответил Чарли.

– Ну, тот человек... наверху... Ну, от которого мы... он...

– А-а, наверху, – Чарли уже полностью повернулся к Владе и облокотился на стенку лифта. Он говорил так же быстро, но уже веселым голосом: – Я даже сам пока еще не знаю. Я не знаю, он это или она, а может, вообще они.

Чарли оказался очень эмоциональным и общительным.

– А почему вы просто не могли сказать «дверь с вентиляем» вместо «квадрат, круг, треугольник»?

– Но ведь сработало же.

– А если бы...

– Но сработало же.

– Да, но...

– Вот видите. Вы сами ответили на свой вопрос.

– Ладно... Стойте, но ведь лифт сломался.

– Ага. Это я его сломал, – Чарли сделал горделивый жест, а затем затараторил: – Это было нужно правосудию.

– А как же мы тогда едем?

– Я его потом починил. Опять же во благо правосудия.

В этот момент лифт остановился.

– Ну вот. Все, приехали.

Чарли открыл двери лифта. Влада выглянула: они оказались на первом этаже.

– Но мой офис на пятнадцатом, а не на первом.

– А мы идем не в твой офис.

– А куда?

– Как куда? Мы сейчас должны исполнить мечту каждого трудолюбивого служащего.

– Какую?

– Прогулять работу, естественно...

Николай Цибин, 10 «А»

Пейзажи

ПРОМЗОНА

Луч полуденного солнца пробивает свинцовые тучи и рассеивается в густом дыму, исходящем от промзоны. Тусклый свет попадает на железнодорожные пути, уводящие от серых зданий и труб заводов на волю, к свежему, не пропитанному запахами железа, гари и бетонной пыли воздуху. Метрах в ста от тяжелых металлических ворот одного из предприятий начинается буйная растительность, трава подобралась почти вплотную к этой громаде. Арка из орешника накрывает пути, создавая приятную тень.

БОЛОТО

Громкий птичий крик наполняет воздушное пространство, и через некоторое время, тяжело взмахивая крыльями, садится на ветку болотной сосны черный как смоль ворон. Он медленно осматривает зеленоющие под серым небом кочки, на которых каплями крови краснеют ягоды клюквы. Из топи, посреди брусничного ковра, вырастают кусты голубики вперемешку с багульником, запах от которого распространяется на многие мили окрест. Ближе к более сухим местам начинается березняк, там еще полужелтые ягоды брусники пополам с синееющей черникой. От этой небольшой рощи ведут в сторону группы сосенок следы, продавленные тяжелыми лапами во мху и уже наполненные бурой торфяной водой. У вывернутых корней этих сосенок устроила себе стоянку кабаниха с выводком.

ОЗЕРО

Тихо скользит лодка по водной глади, следуя лунной дорожкой. Шляпа рыбака приобретает матово-серебряный цвет и чуть ли не сливается с длинной бородой. Еле заметные волны, расходящиеся от бортов лодки, растворяются в ночной тьме. В водном зеркале отражаются темно-синие небеса с редкими облаками. Окна деревенских домиков, стоящих по берегам, своими огнями отражают россыпи звезд на небе. Сильный дым из труб изб и срубов погружает все селение и близлежащие пруд и лес в сонливый туман. За темным лесом ведут свою игру молнии. Зарницы сверкают, окрашивая макушки елей в разные цвета.

ВО МХАХ

Стволы сосен стрелами своих макушек устремлены в беспросветно-голубое небо. У подножия этих хвойных исполинов моховые ковры лежат по всему лесу. Во мху проторены еле заметные глазу муравьиные тропки. По ним носят маленькие труженики материалы для своего дома. Одна из таких тропок ведет от огромной муравьиной кучи, расползающейся под старой сосной, с которой от деятельности жука-короеда осыпалась кора, к завалу, опутанному кустами малины. На высшей точке этого завала устроила себе гнездо, старательно спрятав его, какая-то птица.

ВОЛГА

Тихая река несет свои воды вдоль поросших лесами берегов. Прибрежные ивы склонились к ровным волнам. Из прибрежной зелени виднеется нос лодки. Он переливается цинковой краской. На самом краю его сушится одежда, чалки свисают в прохладную воду. Вокруг мокрых концов веревок плавают косяки мелких рыбок, над ними парят чайки и своими громкими воплями призывают собратьев к трапезе.

ЮДИНО (ЗАКАТ)

Над полосой железной дороги, у самого перрона, на небе танцуют бирюзовые блики заката. В этом причудливом свете листва садовых яблонь приобретает волшебный изумрудный цвет. Легкий ветер, играющий в кронах деревьев, направляет блеск листьев во все возможные стороны, так что над садом на мгновение повисает переливающийся изумрудный купол.

ИСТРА

С широких листьев дуба, который растет близ стоящего на сваях дома, крупными каплями катится вода. Все растения в саду обновлены прошедшей грозой, в воздухе летает сладкий, свежий запах, лужи у корней рябины искрятся отсветами солнца. Иголки могучих елей направлены к земле, с них тонкими струями льется вода. Вкусный березовый дым тянется из трубы бани, открытый дверной проем так и пышет жаром, зовет с мокрой, холодной улицы в теплую, сухую, уютную баню.

Стена деревьев выстроилась у дороги. И хотя снаружи этого массива все еще держится светлое время суток, внутри уже сгущаются тени, метет с огромной силой, снег заполняет глаза, что еще сильнее ухудшает видимость. Под действием ветра с деревьев слетают шапки снега.

Несколько берез арками склонились над нехоженой тропой. Где-то под валежником уснул волк, его мощное дыхание разрывает снег под ноздрями. Прямо на этом валежнике устроила свое гнездо какая-то птица. Она внимательно следит за хищником и при малейшем его движении готова сорваться к цели.

С одного из деревьев свалилась снежная шапка, напугав отдыхающего под ним зайца. Белой стрелой он пролетел по тропке и скрылся в гущи. Только вихри снега из-под лап говорят о том, что тут кто-то только что пробежал.

Речка несет свои оттаивающие воды под поваленным рукой охотника стволом и с серебряным звоном срывается с откоса, где и уходит под землю.

Глухарь, напуганный запахом костра, поднимающимся от старой стоянки, вспархивает и улетает, смахи-

вая снег с крыльев. Стая снегирей, прыгая по рыхлому снегу, ищет себе еду, а вот канюк, сидящий на соседней сосне, еду себе уже нашел. И теперь только ждет.

Берег моря, отлив. У побережья остались ванночки, проделанные самим морем в прибрежных камнях, в теплой воде каждой из них есть своя жизнь. Вблизи горных откосов еще сохранилась живительная тень, там, в глубоких гротах, еще сохраняется утренняя прохлада. Из одного из гротов вытекает пересыхающий ручей, он несет свои помутневшие от извести воды вниз по склону.

Над полем поднимается заря. Солнца еще не видно, но ночная тень уже отступает перед предутренним сумраком. Наконец солнце поднялось из-за холма и стало пробиваться через черные ветви деревьев. Первый пробившийся луч упал на крышу дома, одиноко стоящего в золотом поле, и начал искать маленькую щелку, любой проход, чтобы сообщить хозяевам о том, что утро в самом разгаре.

На небосводе одно за другим краснеют облака, вместе с ними алеет и туман, начавший опадать на траву переливающимися бусинами. Воздух, окрашенный в розовый, постепенно теплеет, туман начинает ложиться, видимость становится лучше. Становится заметна речка, сверкающая на солнце. К реке спешит ручеек, вытекающий из небольшого болота, травы и кусты вокруг которого медленно теряют сизоватый оттенок после ночных заморозков и возвращают себе зеленый цвет.

Ветер поднимает снег в поле. Лыжня уводит с открытых просторов в темнеющий на белом фоне лес. В предсумрачном мраке парит одинокий силуэт совы. Где-то на западе лес еще отсвечивает огнем. Там еще можно различить отдельные деревья и снежные шапки на них. На опушке все исхожено мелкими зверушками, уже давно сменившими шубы на зимние.

Под парой поваленных берез напел себе уют старый волк-одиночка. Из-под веток торчат только исполосованный шрамами нос да лапа. Около ноздрей – две бороздки в снегу.

Невдалеке курится хвойный огонь, разведенный одиноким путешественником. Дым от костра поднимается вывысь и сливается с серым зимним небом.

Топь раскинулась на многие мили вперед. Тухлый, трупный запах поднимается из мертвых вод. На редких островках среди болота стоят искривившиеся деревья. Из-за вечной борьбы с врагом они вырастают не многим выше двух метров, но они превратили кору в стальную броню, а корни – в каменные стержни, бурящие землю, дабы удержать свою позицию. Эта борьба стала привычной для них.

На мелких кочках и в некотором радиусе от них жизнь идет по-другому: для трав на этих бугорках болота – хозяин. На берегу тоже идет противостояние, но там растения объединились и не дают врагу выплеснуть всю свою силу в мир, лишь лягушки из болота скачут в тыл врага. Только редкие серебристые бульбочки, извергающие трупные, гнилостные запахи, нарушают это молчаливое противостояние.

Николай Чусовитин, 10 «А»

Горит костер

*Горит костер. Пылает пламя,
Пуская искры в темноту.
Чужие звезды освещают
Космическую пустоту.*

*Толпа вокруг поет, качаясь, песни.
Но мы не слышим их. Мы здесь совсем одни.
Вдвоём. Наедине. Навечно вместе.
Стоим и смотрим на далекие огни.*

*Костер собрал нас, будто маленькое солнце.
Горячий воздух жжет глаза до слез.
Костер погас. Толпа ушла и не вернется.
Мы вместе. Навсегда. Среди вселенной
хладных звезд.*

13.07.17

«Мне есть что сказать»

Анастасия Вязова,
лауреат
премии 2016 года
в номинации
«Русская
словесность»

Сложно говорить, когда тебе шепчут на ухо: «Ты должен сказать что-то!» Для этого нужен талант. Для этого надо не бояться публики, не позволять вгонять себя в краску. Говорят, что лучший выход – зазубрить все от начала и до конца. Чтобы, когда тебе дадут слово, выдать уже готовый текст.

Но я на такое не согласна. Я не хочу зубрить. Я хочу рассказать людям со сцены о том, что чувствую именно сейчас, в данный момент, и подбирать слова по настроению и яркости лучей, скользящих по лицу во время речи. Я не хочу зубрить. Но когда придет время и зал утихнет в ожидании, я знаю, что не скажу ничего. Потому что не уверена, что думаю и хочу сказать именно то, чего от меня ожидает зритель. Потому что ты уже лауреат. Ты победитель. Твои работы признали лучшими. Это несколько сковывает. Все начинают оценивать тебя не как девочку 16 лет, а как человека, который держит в руках «Золотой ключ». Все оценивающе смотрят на тебя и... я не знаю, что они думают. Это пугает меня. «Ей-то? Премию? За какие такие заслуги? Ну давай, выиграла, так теперь удиви нас, покажи, на что способен лауреат». И я стою молча и боюсь не оправдать чьих-то ожиданий или подтвердить чьи-то сомнения. А мне...

Мне есть что сказать! Я стала участвовать в борьбе за премию не ради победы, не ради «Золотого ключа» в руках. Я стала номинантом, потому что это честь для меня. Потому что мне приятно, когда мои рассказы читают. Да, именно так. Если ты просто что-то пишешь, никому это неинтересно.

А вот если отсылаешь свои работы на конкурс, то их читает жюри, читают и перечитывают люди, интересующиеся ходом конкурса. И знаете, что бесценно? Когда тебя ловят в коридоре и говорят: «Послушай! То, что ты пишешь, действительно здорово!» Это заставляет поверить в свои силы. Меня несказанно радует, если люди говорят, что то, что я пишу ночью за чашкой чая с молоком, заставляет их задуматься о чем-то важном и оставляет маленький след в их сердце. Это не передать словами.

А по поводу победы... Я этого действительно не ожидала. Даже не допускала такой возможности. Потому что моя задача к тому моменту, когда я стояла на сцене в ожидании результата, была выполнена. А рядом со мной стояли люди, которые, по моему мнению, были более достойны премии Ю.Б. Пирятинского. Потому что они старались. Потому что их работы замечательны. Потому что они оставили что-то во мне. Что-то такое, что, когда я дочитывала последние строки чьей-то работы, я на некоторое время будто отключалась от реальности, думая о чем-то своем, открывая для себя что-то новое, нечто прекрасное.

Возможно, то, что я сейчас пишу, будут читать эти люди. И мне перед ними немного стыдно, потому что заветный ключ достался мне и я теперь описываю тут лишь свои впечатления. А они, чьи работы заставили трепетать мое сердце... Знаете, есть несколько людей, которым лично я дала бы премию. Спасибо им за их строки. И спасибо вам за то, что выслушали меня. Мне сложно говорить, но мне есть что сказать.

«Я до сих пор вспоминаю этот взгляд»

Екатерина Мартыченко,
лауреат премии
2016 года
в номинации
«Человеческое
измерение»

Вопрос о том, чем я занимаюсь в свободное время, меня всегда вводит в ступор, потому что после того, как я переступила порог Красного здания, оно для меня как-то внезапно перестало существовать. Не знаю, хорошо это или плохо, это просто факт, изменить который я не в силах. До этого года я была уверена, что привязана к школе именно тем, что живу ее внеклассной жизнью – поездками, концертами и т. д. А в 11-м классе поняла, что это не так. Так получилось, что в последний год учебы я практически ни в чем не участвовала, но поймала себя на мысли, что моя связь с Красным зданием лишь упрочилась.

Даже не так. Я осознала, что связи этой просто не существует. Ведь если есть какая-то связь, то ее можно разрушить. А я стала частью гимназии, и изменить это нельзя. Ответить на вопрос, почему так произошло, мне сложно. Наверное, тот механизм, который делает тебя составной частью Красного здания, был создан теми, кто вошел в него раньше. Думаю, что одним из этих людей был Пирятинский.

Юрия Брониславовича я в гимназии застала, но лично знакома с ним не была. Он вел уроки в другой параллели, и их рассказов мне, если честно, хватало (о том, что некоторые из пятиклассников его, мягко говоря, побаивались, думаю, слышал каждый). Тем не менее один урок он мне все-таки дал. Только не классный. Свел меня с ним случай, очень нелепый и глупый.

Так получилось, что у дверного проема при входе на этаж он оказался с одной стороны, а я – с другой. Поскольку я подошла на несколько секунд раньше, то решила, что проскочу до того, как он попытается переступить этот

порожек. Но Юрий Брониславович на это явно не рассчитывал. Он уверенно шагнул вперед, и получилось так, что я в него врезалась и отступила назад. Не помню, что он мне сказал, но посмотрел он на меня так, что, пропуская учителей у дверного проема сейчас, я вспоминаю этот взгляд до сих пор. Даже при вручении премии именно он всплыл в моем сознании...

Наверное, это тот кусочек памяти о Юрии Брониславовиче, который мне суждено хранить. Думаю, именно для того, чтобы не лишать этого кусочка тех, кому с ним встретиться не довелось, была учреждена эта премия. Ведь благодаря ей каждый год те, кому так важно сохранить память о Юрии Брониславовиче, напоминают о нем остальным. Причем премия позволяет сделать это не просто упоминая его имя – ее номинации показывают нам нечто большее, те качества, которые Пирятинский так ценил в людях.

Многие скажут, что премия субъективна, поскольку четкие критерии выбора номинантов отсутствуют. Спорить с этим очень сложно, да и бесполезно. На мой взгляд, практически любая премия очень субъективна. Но думаю, в этом и есть ее смысл. Иногда просто необходимо посмотреть на человека или на его творчество немного под другим углом – под углом, четкие рамки которого определить, к сожалению или к счастью, нельзя. Ведь зачастую критериев, которые предлагает нам общество, оказывается недостаточно. И вот здесь нам на помощь приходит премия – премия, носящая имя человека, который всегда мог увидеть в людях или в их творчестве нечто выходящее за рамки формальных критериев. Премия, созданная в память об Учителе, отдавшем гимназии все, что у него было.

Награждение лауреатов Пирятинской премии, октябрь 2016 года

«Мы никогда не обижались на него, потому что знали, что Юрий Брониславович – справедливый и честный»

Светлана Афонкина
(Игнаточкина),
учитель истории
и английского
языка, выпуск
1998 года

Двадцать первый кабинет. Сейчас это круглые столы, компьютеры, интерактивная доска и библиотека ИВ. Но до сих пор, бывая там, я вспоминаю его совсем другим. Обычным, ничем не примечательным классом с партами и доской, учительским столом, за которым сидел Пирятинский. Это был его кабинет. И двадцать первый был «нашим родным». Сюда мы бежали почти каждую перемену по любому поводу. Бежали к Юрию Брониславовичу. Здесь он решал все наши проблемы. И делал это в своей излюбленной манере...

Мы, то есть наш 5 «А», познакомились с ним 1 сентября 1991 года. На линейке Юрий Брониславович был в костюме и галстуке! Он не очень жаловал «парадную форму», и таким мы его видели, наверно, еще пару раз.

Конечно, о том 1 сентября у каждого из моих одноклассников остались свои воспоминания. Лично для меня самым ярким был момент знакомства Пири с нашим классом. Юрий Брониславович стал перечислять все прозвища, которыми его называли предыдущие поколения школы № 388. Особо он подчеркивал, что его папа – Бронислав, а не Бронтозавр. Наверно, именно в тот момент наш класс решил, что все предыдущие варианты, большей частью связанные с разновидностями динозавров, не для нас. А для нас он сразу стал просто Юрий Брониславович или – еще проще – Пиря (за глаза, конечно).

На его уроках всегда была идеальная тишина. При этом он даже голос особо не повышал. Просто молча смотрел, если кто-то вдруг отвлекался от работы. А уж если кто не реагировал сразу на его вопрос или замечание, то следовал такой едкий комментарий, что желающих получить новую порцию колкостей от любимого куратора с каждым уроком становилось все меньше.

Боялись ли мы его? Наверно, большинство класса боялось. Перед русским все всегда очень переживали, всё ли сделали правильно. Ведь материала, который давал Юрий Брониславович, в учебнике не было. Запомнил на уроке все правильно, значит, и домашнюю работу сделаешь хорошо, отвлекся – вряд ли справишься на отлично.

Результатом такого метода было то, что ребята, которые позже уходили из гимназии в обычные школы, часто консультировали своих учителей русского по разбору предложений и разным видам разбора слов. Русский язык Юрий Брониславович преподавал великолепно. Но тогда мы этого не понимали, как и любые дети, не думали, что все эти правила пригодятся в жизни.

Классных часов как таковых я не помню. Всем нашим классным проблемам обычно уделялось некоторое время от уроков. Но на качестве преподавания это никогда не отражалось.

А вот литературу Юрий Брониславович вести не любил, хотя знал отлично и часто цитировал

кусочки произведений по памяти – как стихотворения, так и прозу.

Мне всегда казалось, что он видит каждого из нас насквозь и умеет читать наши мысли. Мы никогда не обижались на оценки или замечания в свой адрес, так как знали, что Юрий Брониславович – справедливый и честный. Подозреваю, что наши родители и не догадывались, какими эпитетами он всех нас периодически «награждал»...

Но уроки были далеко не главным в нашем общении. Очень важными для нас были поездки и экскурсии. Они запомнились, думаю, не только мне. Ездили мы очень много с самого начала 5-го класса. Ни одной недели не проходило без экскурсии в музей или лекторий, ни одни каникулы не обходились без поездок в другие города. Сначала Пирятинский ездил с нами почти всегда один, потом в качестве помощника куратора нас стал сопровождать и Антон Ильич Молев. А бессменным экскурсоводом у нас везде и всегда был Абрам Григорьевич Липкинд. Это были незабываемые экскурсии!

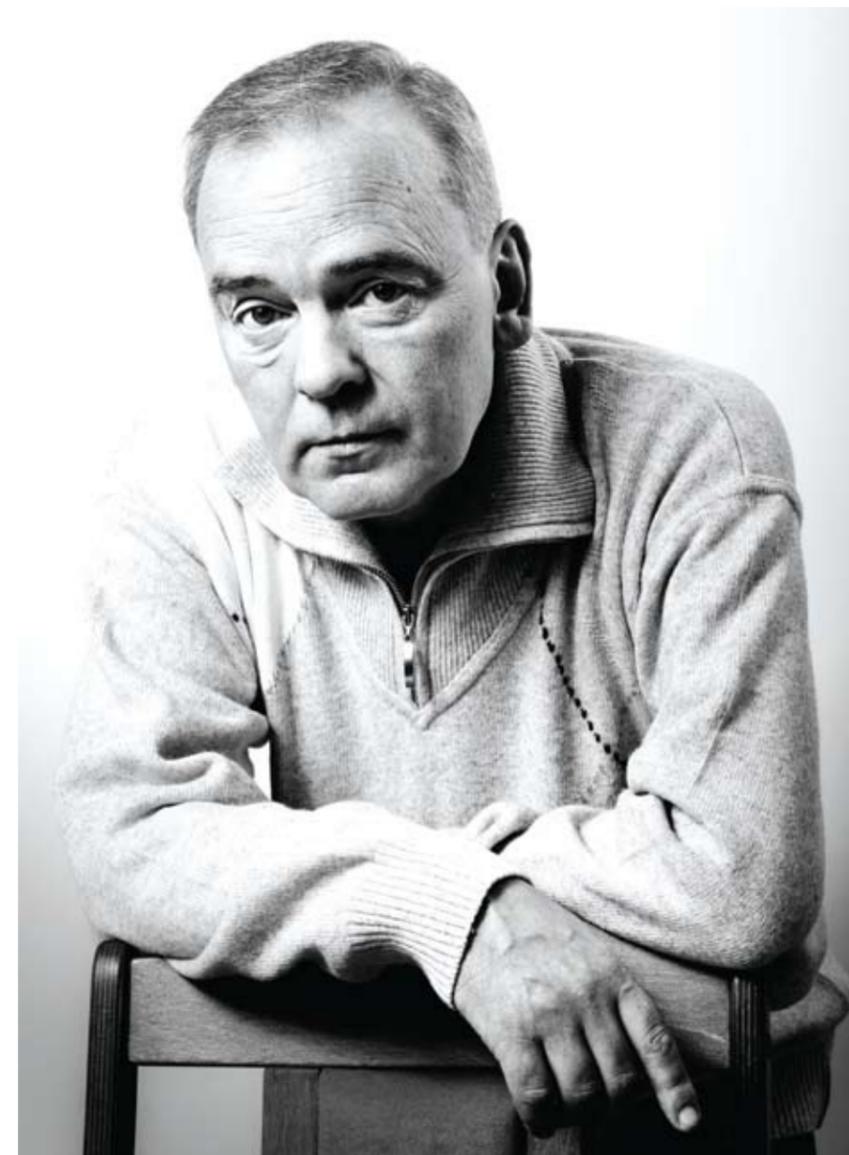
Современные родители и дети вряд ли поймут, как можно было останавливаться на турбазах, бытовые условия которых стремились к нулю, обедать и ужинать в дешевых забегаловках рядом с весьма сомнительной публикой, часами гулять по городам и городкам с тяжелыми рюкзаками и получать от таких поездок только положительные эмоции. Но это факт. И для большинства из нас отлучение от поездок (а к таким мерам воздействия Юрий Брониславович время от времени прибегал) было самым суровым наказанием...

Самым большим шоком в конце 9-го класса стало известие о том, что наш Пиря берет себе новый 5-й класс, а у нас будет другой куратор. Мы сначала не верили, что это правда. Но 1 сентября 1996 года он действительно взял новый 5-й класс. Почему? Тогда ответа на этот вопрос мы не знали. Потом уже выяснилось, что он никогда не доводил свои классы до выпускного и всегда это было его решение. Говорят, ему так – постепенно, а не в один миг – было легче расставаться со своими быв-

шими подопечными, в которых он вложил столько души...

Как ни странно, но отношения нашего класса с Юрием Брониславовичем не испортились, как часто бывает после смены классного руководителя. Уже не будучи нашим куратором, он все-таки продолжал оставаться нашим Пирей...

После окончания школы я нечасто бывала в гимназии. Как-то на встрече выпускников он спросил меня, собираюсь ли я работать в школе. В тот момент дать четкий ответ я еще не могла – просто не знала, как все сложится. А он сказал: «Света, школа – это особый мир, который засасывает и не отпускает. Если попадешь сюда, она не отпустит. Меня не отпускает». И меня теперь тоже...

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ:

Вадима Александровича ТЕРЕХОВА и Арсения Александровича ЗАМОСТЬЯНОВА за то, что они взяли на себя труд внимательно прочитать и доброжелательно отрецензировать тексты, номинированные на соискание Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского;

Владимира Викторовича АВЕРИНА за замечательные фотографии наших номинантов, сделанные специально для этого издания; выпускников и их родителей, сотрудников и друзей гимназии, в разное время поддерживавших и до сих пор поддерживающих премию:

Марию Андрееву (Бардукову), выпуск 2000 г.; **Алексея Баукина**, выпуск 1999 г.; **Илью Бера**, выпуск 1998 г.; **Наталью Варако (Загянскую)**, выпуск 1992 г.; **Александра Давыдова**, выпуск 1986 г.; **Екатерину Давыдочкину**, выпуск 2002 г.; **Наталью Егорову**, выпуск 1989 г.; **Валентина Жмуркина**, выпуск 1992 г.; **Екатерину Канаеву (Сергиенко)**, выпуск 1992 г.; **Юлию Коршакову**, выпуск 2000 г.; **Юлию Лукьянову (Иванкину)**, выпуск 1998 г.; **Александра Мацука**, выпуск 1985 г.; **Марину Юрьевну Папанкину; Андрея Петухова**, выпуск 1999 г.; **Григория Петушкова**, выпуск 1996 г.; **Светлану Пороскову (Калинину)**, выпуск 1992 г.; **Владимира Рыбина**, выпуск 1998 г.; **Екатерину Ряхину**, выпуск 2002 г.; **Ирину Юрьевну Савкину; Анну Ситас**, выпуск 2000 г.; **Максима Слешина**, выпуск 1992 г.; **Наталью Токсанбаеву**, выпуск 1994 г.; **Бориса Федякова**, выпуск 1990 г.; **Юлию Чечик (Козыреву)**, выпуск 2000 г.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ:

Борис Веденский (выпуск 2003 г.),	Глафира Леонова (выпуск 2010 г.),
Матвей Геллер (выпуск 1985 г.),	Антон Молев (выпуск 1995 г.),
Сергей Говоров (выпуск 1998 г.),	Марина Полетаева (выпуск 1986 г.),
Светлана Гончарова (выпуск 1985 г.),	Владимир Рудаков,
Дмитрий Карцев (выпуск 2003 г.),	Елена Серова (выпуск 1993 г.),
Ольга Колчугина,	Ольга Смирнова (выпуск 1985 г.),
Михаил Левит,	Алексей Фалько (выпуск 1992 г.),
	Григорий Шандалов

Над номером работали

Редакторы: В.Н. Рудаков и А.И. Молев
Верстка: Н.Е. Пыльнева (журнал «Историк»)
Корректурa: Е.Е. Леонтьева (журнал «Историк»)
Фото: В.В. Аверин и Е.Н. Копыт
Использованы рисунки авторов
и Анны Поповой (выпуск 2017 г.)
Тираж: 150 экз.

ВЫ МОЖЕТЕ ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ ИМЕНИ Ю.Б. ПИРЯТИНСКОГО,

переведя любую сумму в премиальный фонд:
карта VISA (Сбербанк) 4276 3800 5842 4339;
телефон: 8 985 774-38-90;
казначей премии –
Светлана Витальевна Гончарова (выпуск 1985 г.)